3 1761 04408 9902

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/puteshestvievmal00shal

Шаликов П
Shalikov, Petr Ivanovich
Puteshestvie v Malorossiiu

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
МАЛОРОССІЮ,

издáнное

К. П. Шаликовымъ.

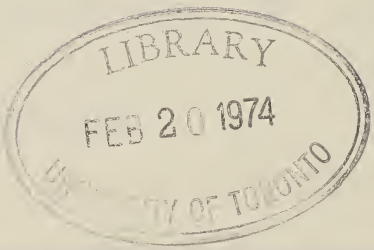
Кто еще не запертъ въ клѣтку — кто можетъ, подобно пичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь — тотъ можетъ еще наслаждаться бытіемъ своимъ, и можетъ быть щастливъ, и долженъ быть щастливъ.

Карамзинъ.

МОСКВА, 1805.

у Любя, Гарія и Попова.

DK
508
.2
S45
1803a



Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Съ дозволенія Университетскаго Цензора.

Любезнымъ сердцу

моему,

Андрюшу, Бинну,

Тишу.

Примите, милые мои, искренное доказательство того, что вы занимаете во всякомъ случаѣ мысли и чувства мои; что безъ васъ нѣтъ для меня полнаго наслажденія; что сердце мое имѣетъ всегда потребность въ вашемъ соучастіи! . .

Путешествіе *мое не напомнитъ вамъ ни* Стерна, *ни* Дюпати, *ни* Карамзина, *ни* Измайлова — *большое разстояніе! — но вы найдете въ немъ вашего друга съ пламенною*

любовью къ вамъ и, можетъ быть, съ нѣкоторыми новыми мыслями, съ нѣкоторыми замѣчательными чувствами; можетъ быть съ вами и другіе что нибудь найдутъ въ немъ.

Сердца, образованныя для чувствительности, находятъ подъ печатью ея самую бездѣлку пріятностію и начасъ забываютъ о талантѣ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ семъ путешествіи нѣтъ ни Статистическихъ, ни Географическихъ описаній: одни впечатлѣнія Путешественника описаны въ немъ . . . не блестящею кистію — нѣтъ! но скромнымъ карандашемъ.

„На что жъ издавать его?“ Отвѣтъ на это почти уже есть: *сердца, образованныя для чувствительности, находятъ подъ печатью ея самую бездѣлку пріятностію и насасъ забываютъ о талантѣ* (*).

(*) См. предыдущую страницу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
I.	Выѣздъ. -	1
II.	Разсужденіе. -	4
III.	Встрѣча. -	10
IV.	Другъ. - -	16
V.	Торжество невин-ности. - -	19
VI.	Буря. - -	26
VII.	Усыновленіе. -	30
VIII.	Кофе. - -	35
IX.	Сладкія воспоми-нанія. - -	40
X.	Общество. -	43
XI.	Весна. - -	53
XII.	Горестный образъ.	62
XIII.	Манускриптъ. -	64
XIV.	Угощеніе. -	74
XV.	Любимецъ фортуны. - -	87

Оглавленіе.

		стран.
XVI.	Непріятность.	93
XVII.	Полтавское по-лѣ. - -	97
XVIII.	Скворецъ. -	101
XIX.	Днѣпръ. -	104
XX.	Могила друга.	109
XXI.	Яковъ садовникъ.	115
XXII.	Ничтожность человѣческая. -	121
XXIII.	Физіономія. -	125
XXIV.	Слѣды Петра Великаго. -	129
XXV.	Обязанность стихотворца. -	132
XXVI.	Послѣдній взглядъ на Днѣпръ. -	116
XXVII.	Рѣдкое безкорыстіе. -	138
XXVIII.	Еще взглядъ, на Полтаву. -	141
XXIX.	Необыкновенная рѣшительность.	146
XXX.	Монастырь. -	150

Оглавленіе.

		Стран.
XXXI.	*Письма друзей.*	164
XXXII.	*Новой Тимонъ.*	159
XXXIII.	*Лѣтній вечеръ въ Малороссіи.*	166
XXXIV.	*Отъѣзокъ Швейцаріи.* -	170
XXXV.	*Новое сравненіе.*	176
XXXVI.	*Сельской праздникъ.* -	181
XXXVII.	*Фортепіяно.*	185
XXXVIII.	*Островъ любви.* - -	188
XXXIX.	*Чтеніе.* -	129
XL.	*Любопытство.*	197
XLI.	*Екатерининъ-даръ.* -	201
XLII.	*Разставаніе.* -	214
XLIII.	*Находка.* -	232

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
МАЛОРОССІЮ.

I.
ВЫѢЗДЪ.

Changeons de lieu pour nous défaire du temps (*) — сказалъ я съ *Ренъярдомъ* украдкою отъ самаго себя . . . Чувствую всю несправедливость свою . . . Ахъ! чѣмъ виновато бѣдное время? . . . Жалуемся на него; ищемъ *убить* его, какъ люпѣйшаго врага

(*) Перемѣнимъ мѣсто, чтобъ избавиться отъ времени.

нашего, и . . . ужасаемся быстраго его полета; ужасаемся *послѣдняго* шума крылъ его для насъ; — хватаемся за нихъ, чтобъ удержать *милаго* непрїятеля; умоляемъ его помириться съ нами, остаться друзьями — поздно! Раздраженный другъ — которой казался, по безумїю нашему, злодѣемъ намъ — оставляетъ насъ! — — — Прости мнѣ, безцѣнное время! . . . И вы, безцѣнные друзья мои, съ которыми душа моя наслаждалась всею полнотою чувствъ своихъ! .. и вы, милыя *Армиды*, съ которыми сердце мое забывало всё, кромѣ щастія, проспите мнѣ! Благодарность моя къ

вамъ неизъяснима — безконечна; но человѣкъ такъ чуденъ!!

Ничего нѣтъ тяжелѣе слова *прости*, когда надобно сказать его любезнымъ сердцу нашему; по крайней мѣрѣ я никогда не могу выговорить его безъ мучительнаго движенія души моей. — И такъ, вы знаете теперь, милые мои! для чего я *не простился* съ вами. — „Будьте благополучны!“ сказалъ я въ глубинѣ моего сердца; сѣлъ въ кибитку — и пронзительной колокольчикъ раздался въ слухѣ моемъ, которой нѣжился прежде сладостнѣйшими тонами голоса милой С***!.. Какая розница!

II.

РАЗСУЖДЕНІЕ.

Жизнь наша похожа на *нѣкоторое* пространство поля: — дороги, пески, болото, кустарники и вообще такъ называемыя *неудобныя мѣста* осiавляютъ на немъ очень не много такой земли, которая можетъ произвесть полезное или пріятное растѣніе. — Самая долгая жизнь — ежели вычтете изъ нее скуку, заботы, печаль, болѣзни — составитъ очень не великой счотъ жизни. Я не говорю еще о извѣстныхъ страстяхъ, которыя всего

болѣе сокращаютъ краткую жизнь нашу ... Явится Парка съ *расходомъ* и — *чикъ* паутинную нить бытія нашего тогда, когда мы думали, что лишь только начинается бытіе наше (*)! —

Не успѣло воображеніе мое настроить, или только начертить планъ для замковъ *будущихъ удовольствій*, какъ сердце мое стѣснилось, затосковало; слезы заструились въ глазахъ моихъ: я былъ достоинъ сожалѣнія. — „Что этому причиной?“ — Грустно, разставшись съ тѣ-

---

(*) См. въ четвертой книжкѣ Вѣстника Европы піесу: *каждой день!..* и какая піеса!

ми людьми, которыхъ видѣлъ я почти всякой день; грустно, оставя то мѣсто, гдѣ жилъ я нѣсколько лѣтъ почти безъ выѣзда — грустно, очень грустно! — „Но я ѣду не за моря, не на цѣлые годы“ — подумалъ я — и ободрился.

Воображенїе, раздѣляющее всегда *обстоятельства* сердца, стало однакожь какъ-то бояться того будущаго, которое расписывало оно за минуту прежде самыми привлекательными красками. — „Въ человѣческой натурѣ“ — говоритъ славный, любезный нашъ Путешественникъ (*) — „есть двѣ противныя склон-

---

(*) Карамзинъ.

ности: одна влечетъ сердце наше всегда къ *новымъ* предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ *старымъ*; одну называютъ *непостоянствомъ*, *любовью къ новостямъ*, а другую *привычкою*. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однакожъ разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа привикла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Щастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равно сильны! Но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтренымъ, безпокойнымъ, мѣлкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ

предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ, и лишается *энергіи* въ ощущеніяхъ; другой, видя и слыша всегда *то же да то же*, грубѣетъ въ чувствахъ и наконецъ засыпаетъ душею. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, по тому, что и та и другая ослабляютъ въ насъ душевныя дѣйствія.“

Тонкое, глубокое наблюденіе, котораго истину познаю нѣсколько собственнымъ опытомъ!..Признаюсь, друзья мои, что я начиналъ скучать *единообразіемъ* и желалъ *перемѣнъ*; но разставаясь съ тѣмъ, *къ чему душа привыкла*, чув-

ствую *горесть* и *сожалѣніе* ... Да сохранитъ меня Небо отъ двухъ сихъ крайностей, въ которыхъ человѣкъ теряетъ возможность щастія!

III.

ВСТРѢЧА.

Чтобы узнать всю живость своихъ чувствованій — надобно путешествовать! Обстоятельство, почти ничего не значущее въ другомъ случаѣ, въ путешествіи можетъ быть весьма пріятно, интересно. Отъ чего это? не отъ того ли, что — будемъ искренны — въ дорогѣ всегда, болѣе или менѣе, скучно; что взоръ и мысли наши по этой самой причинѣ ищутъ съ жаромъ какого нибудь для себя предмета, ко всему внимательны; готовы всѣмъ заняться, интересоваться — и радуются, такъ сказать, всякой *встрѣчѣ*.

Я также сердечно обрадовался одной, совсѣмъ неожидаемой встрѣчѣ, всходя томными шагами на лѣстницу трактира въ городѣ Т*. — „Чей ты человѣкъ?“ спросилъ я у стоявшаго подлѣ лѣстницы лакея — и улыбнулся отъ удовольствія, узнавъ, кто господинъ его. — „Гдѣ онъ?“ — Стоитъ въ этомъ трактирѣ, но его нѣтъ дома; скоро будетъ, и мы сей часъ ѣдемъ. — „Куда?“ — Въ деревню — домой. — Удовольствіе мое умножилось, когда я узналъ, что онъ ѣдетъ въ одну сторону со мною. — Приказавъ слугѣ сказать господину своему обо мнѣ, я взошелъ въ

комнату, спросилъ чаю, закурилъ трубку, подгорюнился и кинулся въ мечты.

Вдругъ отворяется дверь — и П* передо мною. „Пріятная нечаянность!“ сказали мы въ одинъ голосъ, и обнялись съ чувствомъ. — Мы свидывались *нечаянно* съ нимъ и въ Москвѣ; но никогда, думаю, съ обѣихъ сторонъ, свиданіе наше не было такъ пылко.

Онъ спѣшилъ разсказать мнѣ о своемъ времяпровожденіи въ семъ городѣ (гдѣ прожилъ онъ нѣсколько недѣль), о балахъ, о собраніяхъ, о своихъ удовольствіяхъ и проч. и проч. — Я спѣшилъ ему сказать о своемъ путешествіи, о планѣ его, объ ожидаемыхъ пріятностяхъ и

проч. — Между тѣмъ все было готово къ нашему отъѣзду. Мы ѣхали въ одну сторону, въ одно время и — слѣдственно — сѣли въ одномъ экипажѣ, сѣли и начали снова бесѣду.

Разговоръ нашъ скоро обратился къ обществу Т*. Пріятель мой хвалилъ его съ жаромъ; говорилъ много пріятнаго, трогательнаго о Губернаторѣ, котораго благородная, великодушная ревность къ истинной славѣ и пользѣ дворянства сдѣлаетъ извѣстнымъ потомству, такъ какъ сдѣлала извѣстнымъ для современниковъ (*); говорилъ — comme de raison — о Дамахъ, говорилъ съ чувствомъ, поч-

(*) Кто не знаетъ изъ соотечественниковъ представителя о

ли съ восторгомъ, и читалъ наизусть въ честь имъ стихи свои. Я замѣтилъ въ нихъ одну, по моему мнѣнію, гиперболу: Авторъ называетъ Т* *храмомъ красоты*: это нѣчто чрезвычайное!.. Ахъ! какъ бы я хотѣлъ побывать въ этомъ храмѣ!.. Но — не довольно ли *одной* красавицы, или которая кажется намъ такою, то есть милой сердцу — чтобы назвать или находить *храмомъ кра-*

заведеніи Александровскаго дворянскаго училища въ Тулѣ? — Какъ трогательна надпись къ сему училищу!

„На прагъ лишь ступишь сей,
неопытный птенецъ!
„Скажи въ душѣ твоей: мнѣ
АЛЕКСАНДРЪ Отецъ!“

соты то мѣсто, гдѣ видимъ ее? . . Конечно довольно: глаза и воображеніе заняты въ такомъ случаѣ *однимъ* предметомъ — наполняющимъ *всю* вселенную . . . . Извини меня, любезный П*! тутъ нѣтъ и не можетъ быть никакой гиперболы. — Онъ примолвилъ въ заключеніе, что одна изъ Нимфъ сего новаго Книда замѣшила то же и сказала ему, что *безъ сомнѣнія какой нибудь одной щастливицѣ между ими обязаны онѣ славою* . . . Но пріятель мой ни ей, ни мнѣ не хотѣлъ прямо признашься.

Мы ѣхали часовъ десять вмѣстѣ, и разстались съ живѣйшимъ сожалѣніемъ.

IV.

ДРУГЪ.

„Мы живемъ въ печальномъ
„мірѣ, но кто имѣетъ друга,
„тотъ пади на колѣна и благо-
„дари Вездѣсущаго!“

Карамзинъ.

Падаю на колѣна предъ Вездѣсущимъ, и воимямъ благодарности возжигаю въ сердцѣ моемъ! — Ахъ! какой даръ для человѣка дружба! какое благо для него другъ!... Горе, горе тому, кто одинъ въ мірѣ — въ семъ печальномъ, слезномъ мірѣ!.. Отвращаю взоръ мой отъ нещастливца сего, и предаюсь щастію души моей.

Вы, которые удостоены Судьбою блаженства дружбы! вы не испытали еще его во всей силѣ наслажденія, ежели не бросались *нечаянно* въ объятія ея! . . . Какія минуты! . . . Удивленіе, замѣшательство, безмолвіе, сомнѣніе — все это имѣетъ безчисленность неизъяснимыхъ пріятностей.

Мой А*, другъ моего сердца, живетъ на дорогѣ, проѣзжаемой мною. Онъ ничего не зналъ о путешествіи моемъ: я заготовилъ для него и для себя радость неожидаемаго свиданія. — Долго милой другъ мой не вѣрилъ ни глазамъ, ни сердцу своему. — „Мечта, привидѣніе!“ повто-

рялъ онъ нѣсколько разъ, и не трогался почти съ мѣста. Наконецъ . . . кто можетъ описывать такія положенія!

Два дни прожилъ я въ Аркадіи, въ поляхъ Елисейскихъ — въ семействѣ друга. — Всѣ родные его, добрые пріятели, живущіе въ одномъ мѣстѣ съ нимъ, съѣхались *посмотрѣть*, казалось мнѣ, на физіономію дружбы, *послушать* языка ея и, естьли можно, *раздѣлить* ея удовольствіе.

V.

ТОРЖЕСТВО НЕВИННОСТИ.

Между прочими гостями моего друга была одна молодая замужняя женщина, родственница его, которая скромною привлекательностїю милой наружности и пріятнаго тона, заняла вниманіе мое, и которая своею *исторіею* можетъ занять ваше, чувствительные друзья мои!

„Около пѣхъ лѣтъ“ — говорилъ мнѣ другъ мой, „когда развиваются способности ума и сердца въ дѣвушкѣ, нравственное ея воспитаніе было трудомъ вотчима ея — умнаго, добраго,

молодаго человѣка, за котораго мать ея вышла скоро по потери перваго своего мужа.

„Любезныя, милыя свойства дочери привязали къ ней втораго отца ея съ тою нѣжностїю, съ тою горячностїю, которая принадлежитъ только чувствительному сердцу. Сладкая мысль: *я заступаю священное мѣсто отца; мнѣ поручено Судьбою образовать нѣжнѣйшее твореніе природы*, заняла всю душу его — и новая Джервисъ сдѣлалась всего ближе къ сердцу новаго Грандиссона.

„Онъ любилъ чтеніе, зналъ много и писалъ не дурно. — Возбудить любопыт-

ство ума, чувствительность сердца въ милой своей воспитанницѣ, было первымъ дѣломъ его — и лучшіе романы“ . . . „Романы?“ перервалъ я слова друга моего... „Такъ точно — отвѣчалъ онъ: этотъ человѣкъ ожидалъ отъ романовъ совсѣмъ противнаго дѣйствія тому, которое приписываютъ имъ — и не ошибся. — Лучшіе романы (продолжалъ другъ мой) были ея чтеніемъ. Природной умъ и чувствительность ея нашли въ нихъ пріятную занимательность, которая заставила ее полюбить чтеніе — слѣдствіе, желаемое ея нѣжнымъ другомъ.

„Чтобы сказать все однимъ словомъ, то новой Грандиссонъ нашъ пользовался всѣми дарованіями Жан-Жаковъ, Локковъ, Сократовъ, для образованія души и сердца безцѣнной своей Джервинсъ, которая, составляя собственное свое щастїе, составила бы щастїе будущаго своего супруга.

„Его нѣжная любовь, дружба, ласки, старательность доставить ей разныя пріятности, удовольствія, возбудили къ нему въ юномъ сердцѣ ея всю нѣжность любви и дружбы, самой чистой, самой непорочной.

„Но ядъ злобы человѣческой изливается на самую

добродѣтель, на самую святыню! — Мрачной, кровавой взоръ ея сталъ смотрѣть на поступки отца и дочери (они могли носить имена сіи по всей справедливости) инымъ образомъ — и ужаснѣйшая клевета доходитъ до слуха матери, которая, какъ *обыкновенная* женщина, взяла подозрѣніе: каждой шагъ, каждое слово были замѣчаемы, и возрастающая, можно сказать, съ обѣихъ сторонъ нѣжность питала, усиливала его.

„Но рокъ хотѣлъ страшнаго удара невинности! Незапная болѣзнь любезной дѣвушки сдѣлалась доказательствомъ противъ ея непорочности; — пораженная, от-

чаянная мать требовала признанія, — не было никакова способа разувѣрить ее — и невинная призналась въ преступленіи. — „Кто привелъ тебя въ искушеніе, несчастная?“ — „Папинька“ — сказала (несчастная въ самомъ дѣлѣ!) почти безъ памяти.

„Можно вообразить все слѣдствіе такого случая; всю горесть, всю тоску бѣдной, чувствительной дѣвушки.

„Нѣжный, истинный отецъ ея, узнавъ объ этомъ, прежде всего спрашиваетъ у милой дочери, для чего она сказала столь ужасную неправду? — „Чтобы перервать мучительныя маминь-

кины допросы“ — отвѣчаетъ она: „а вы всегда въ мысляхъ — на языкѣ моемъ.“ — Подумавъ немного, онъ понялъ, что невинность спокойно и безъ разбора беретъ на себя преступленіе. Зная нравъ жены своей, онъ рѣшился молчать и ожидать отъ времени развязки горестной драмы.

„И время, на зло року, захотѣло ускорить ожидаемую развязку. Является женихъ для нашей героини, молодой, любезной человѣкъ; нравится матери, отцу, ей — и черезъ нѣсколько дней женихъ становится супругомъ.“

„Горесть матери, прискорбіе отца, печаль дочери —

все исчезло въ одно мгновеніе при благодарномъ, радостномъ взорѣ щастливаго супруга . . . Невинность восторжествовала! — Милая, интересная женщина сія старалась *позабыть* несправедливость матери своей, которая съ своей стороны натурально мучилась стыдомъ передъ нею и мужемъ своимъ. Но радость скоро заглаживаетъ слѣды горести — и любезное семейство наслаждается щастіемъ добродѣтели.“

The Happy Ending
to perfectly moral stories

VI.

БУРЯ.

Ничего нѣтъ тошнѣе, какъ въ кроткомъ весеннемъ мѣсяцѣ свирѣпая осенняя погода! Тогда, какъ воображенїе и сердце ваше готово разцвѣсть вмѣстѣ съ природою; когда нетерпѣливые взоры ваши ищутъ зелёнинькой травки, голубова или желтинькова цвѣточка; когда, напряженный слухъ вашъ прислушивается къ пѣнїю жаворонка, къ шопоту Зефира — вдругъ пронзительной свистъ Аквилоновъ, страшной ревъ Борея заглушаютъ васъ; порывистый снѣгъ накидываетъ

снова бѣлое печальное покрывало на всѣ предметы; стужа заставляетъ васъ прятаться! несносное превращеніе! . . Вамъ кажется, что какой нибудь злой духъ перенесъ васъ въ одну секунду изъ очаровательныхъ черпоговъ любезной Всевѣды въ ужасныя степи мрачной Сибири . . . . Все это точно такимъ образомъ случилось со мною въ дорогѣ. Я грустилъ, спрашивалъ поминутно, далеко ли до станціи, и не надѣялся достигнуть мирной пристани.

Ахъ! какъ бѣденъ человѣкъ! одна перемѣна въ атмосферѣ можетъ сдѣлать его щастливымъ или неща-

стнымъ! Какъ малъ этотъ гордой исполинъ передъ великостію Натуры! Нѣжная мать сія, наморщивъ чело съ яростію грозной мачихи, дохнетъ свирѣпостію — и избалованной сынъ ея чувствуетъ всю ничтожность свою; оглядывается туда, сюда — нѣтъ помощи, нѣтъ спасенія — бездна у ногъ его! — — —

Кибитка моя вдругъ остановилась. — „Выходите“ сказалъ мнѣ *Лафлёръ* мой .. и я въ теплой избѣ!.. quel bonheur!.. Сажей покрытыя стѣны ея показались мнѣ въ Гобелинскихъ обояхъ.

VII.

УСЫНОВЛЕНІЕ.

Une nuance de ſentiment me frappe & m'attache plus que tous les Panthéons & toutes les colonnes Trajannes.

Le Voyageur ſentimental.

Буря продолжалась — ѣхать не льзя было никакъ — несносная скука! — „Это сынъ твой? это твои внуки?“ спросилъ я у старика съ сѣдою бородою, котораго окружали взрослые и дѣти, женщины и мущины. — „Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ почтенный старецъ: но я имъ отецъ“... Загадка! .. и прежде, нежели я спросилъ его еще, онъ сталъ изъяснять интересную

для меня тайну. — „Я имѣлъ, говорилъ онъ, дѣтей, но Богу угодно было взять ихъ назадъ. Братъ мой, у котораго полна изба ихъ, позвалъ меня крестить этова (указывая на дороднаго, молодаго крестьянина). Отдай мнѣ его, сказалъ я брату. Братъ согласился. Богъ послалъ мнѣ щастїе взрастить крестника моего; я женилъ его; теперь онъ хозяинъ всего моего имущества, а я при старости моей имѣю также — какъ видите — полну избу ребятишекъ.“

Я посмотрѣлъ въ глаза каждаго изъ любезной семьи этой, и мнѣ показалось, что

въ глазахъ каждаго сіяло сердечное удовольствіе . . .

Ахъ! въ низкомъ состояніи во сто разъ лучше уважаютъ, лучше чувствуютъ всѣ связи сердца, всѣ обязанности человѣка! — Грубая его наружность заставляетъ насъ думать, что никакое нѣжное чувство не извѣстно тамъ, — тогда, какъ подъ блескомъ нашей мы воображаемъ обладать всѣми добродѣтелями. Какая ошибка въ одномъ и другомъ! какъ мы обманываемся!.. наши добродѣтели — на однихъ словахъ, — прекрасныхъ, сладкихъ — и только!

Загляните подъ бѣдныя соломенныя кровли, и вы удо-

сповѣритесь въ сей истинѣ, осыпанные дарами фортуны эгоисты! Но возмете ли вы на себя такое безпокойство — не ожидаю! Напомню только вамъ, что золотомъ залитые Швейцары ваши не откажутъ — такъ какъ обыкновенно отказываютъ смиренной бѣдности не откажутъ страшному скелету, которой найдетъ васъ въ святилищѣ вашего наслажденія, и неотвратимый ударъ косы его повергнетъ васъ съ парчеваго ложа! . . — Какъ ужасно закрывать глаза навѣки безъ усладительной мысли: *я жилъ не безполезно!*

„Погода не много утихла," сказалъ мнѣ Лафлёръ

Гос. Публичная Библиотека в

мой. Поѣдемъ, сказалъ я — и съ распроганными чувствами сѣлъ въ движущійся кабинетъ мой; думалъ — мечталъ — сочинялъ и — заснулъ.

VIII.

КОФЕ.

Спросите у меня, что болѣе всего ласкаетъ вкусу? Отвѣтствую: хорошій кофе послѣ хорошаго моціона. — Божественный нектаръ! ты усладилъ вкусъ мой, обоняніе и освѣжилъ силы моего духа!

Почтовой дворъ въ С* (*) останется надолго въ моей памяти!.. „Прикажете принять?“ подошедъ къ столику, спрашиваетъ у меня чернобровая дѣвушка, когда

(*) Первое Малороссійское мѣстечко на моей дорогѣ.

я, выпивъ третью чашку, барабанилъ пальцами по подносу. Я узналъ въ ней *Гебу* мою, на которую прежде едва взглянуть хотѣлось — узналъ и захотѣлъ . . . поговорить съ нею. — Воображенїе мое сдѣлалось свѣтло; сердце чувствовало прїятное движенїе . . . Я бы не осмѣлился конечно спросить у *Канта* — но спрашиваю у самого себя: отъ чего за нѣсколько минутъ душа моя была мрачна, уныла, и вдругъ лучь удовольствїя озарилъ ее? Могло ли *независимаго*, *простаго*, *несложнаго* существа сего, то есть, души моей щастїе зависѣть отъ чашки кофе, отъ теплоты

желудка, отъ пріятности вкуса? . . Чувствую, что вопросы мои слишкомъ простосердечны, спѣшусь ихъ — но кто не поспѣшаетъ Канговой мудрости, тому всего натуральнѣе такіе вопросы! . . Не извиняютъ ли дѣтей въ *литаніи* ихъ? . . И *великій* Кантъ проститъ конечно *маленькому* умствователю . . . Ахъ! что я для него! . . .

Любезной мой Б*! вспомни жаркіе ученые диспуты наши съ милыми нашими противниками — диспуты, въ которыхъ я съ тобою былъ всегда, во всемъ согласенъ. Не смотря на нѣкоторыя прискорбія - самолюбія (*),

(*) Шутка.

воспоминанїе объ нихъ пріятно для меня — можетъ быть отъ того, что они напоминаютъ пріятное время. — Чего не украситъ, не сдѣлаетъ интереснымъ милая, искренняя дружба! .. Ахъ! естьли бы *кофе* мой былъ содержанїемъ новыхъ диспутовъ въ полномъ собранїи старыхъ схоластиковъ — друзей!

„Очень благодаренъ за кофе“ — сказалъ я миловидной, смуглой Гебѣ: „ты сама его варила?“ — *Я, сударь.* — „Какая мастерица! я думаю, ты во всемъ мастерица — на примѣръ: въ ласкахъ къ милому своему.“ — — Нѣжная улыбка съ нѣжнымъ румянцомъ придали огня чер-

нымъ, масливымъ глазамъ моей Гебы. — „Вѣрно умѣешь ощастливить любезнаго (продолжалъ я) — твои глаза ручаются за это.“ — *У меня нѣтъ его; а естьли бы былъ, то конечно . . .* Не договорила, разсмѣялась, взяла подносъ съ чайнымъ приборомъ и, сдѣлавъ пріятный поклонъ, скрылась. — Милая Малороссіянка привела мнѣ на память милую Англичанку Софію (*). „Малороссіянка и Англичанка!“ чему удивляться: онѣ обѣ одной матери — Природы.

(*) См. въ VI Части Писемъ Рускаго Путешественника, *Лондонъ*, стран. 289.

IX.

СЛАДКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

„Здравствуй, любезная!“ твердилъ я съ восхищеніемъ любовника, увидѣвъ *Малороссію*. Глаза мои не могли налюбоваться выбѣленными избами, опрятною одеждою обитателей ихъ; ласковымъ, милымъ взглядомъ прекрасныхъ здѣшнихъ женщинъ и проч.

Какъ пріятны сердцу нашему тѣ предметы, которые напоминаютъ намъ юность нашу! какъ любезны, сладки мыслямъ тѣ впечатлѣнія, которыя принимала душа наша при первыхъ развитіяхъ

способностей своихъ! . . Растроганное мое воображенїе сбирало каждое обстоятельство, по чему нибудь милое воспоминанїю; каждое чувство, оставшееся въ сердцѣ; каждую идею, оставшуюся въ душѣ — сбирало, составляло — что? назвать не умѣю, но что душѣ и сердцу было пріятнѣе всего на свѣтѣ.

Милая, безцѣнная Малороссїя! подъ твоимъ кроткимъ, яснымъ небомъ питалась душа моя и сердце первыми сладостями любви и дружбы; съ твоимъ благодѣтельнымъ воздухомъ вливалась въ грудь мою чувствительность и страсти — страсти, которымъ человѣкъ обязанъ

всѣмъ величїемъ своимъ, безъ которыхъ нѣтъ ни щастїя, ни добродѣтели; — твоя прекрасная природа воспламенила воображенїе мое, научила любить Природу, научила быть съ самимъ собою, научила плѣняться прелестями ума, прелестями Грацїй, научила — щастїю!

Привѣтствую тебя, любезная! и сїи слезы, лїющїяся по лицу моему, есть дань благодарнаго сердца моего — твоимъ благодѣянїямъ!

X.

ОБЩЕСТВО.

Наконецъ я соединился съ тѣмъ обществомъ, котораго имѣю удовольствїе быть членомъ, и отъ котораго отдѣлился я на нѣкоторое время. Оно состоитъ — не изъ Профессоровъ, не изъ Авторовъ — а изъ трехъ милыхъ женщинъ и одного любезнаго молодаго человѣка .... Признаюсь, что для самолюбїя пріятнѣе быть Членомъ ученой Академїи, но для сердца милѣе быть членомъ въ кругу любезныхъ женщинъ .... Оставляю славу — вѣнки — тиштла умамъ често-

любивымъ: я доволенъ *незабудочкою* изъ нѣжной руки Граціи!

Мирное село долженствуетъ быть пребываніемъ нашимъ на нѣкоторое время, и щастливое его спокойствіе отдохновеніемъ до новаго странствованія нашего всѣмъ обществомъ.

Еще животворная весна не разогрѣла воздуха — хотя уже въ благословенной странѣ сей тепло довольно; еще Природа не одѣлась въ торжественную одежду — хотя сняла уже съ себя печальное бѣлое покрывало; еще пернатые пѣвцы ея не составили громкихъ своихъ концертовъ — хотя уже намъ и сямъ слы-

шны благодарные гимны ихъ; еще не льзя гулять по лугамъ и рощамъ, не льзя наслаждаться всѣми удовольствіями щедрой Природы — хотя здѣшній Мартъ не хуже Сѣвернаго Мая. Что же дѣлать? надобно искать удовольствій въ комнатѣ, и — садимся въ кружокъ: шить, вязать, читать, говорить, смѣяться. — Дамы мои любятъ страстно страстные стихи; я также люблю ихъ — и К*, Д*, не выходятъ изъ рукъ моихъ. Читаю съ жаромъ, съ восторгомъ — и чувствительныя слушательницы мои восхищаются душею, воспламеняются воображеніемъ.

Иногда важныя идеи, глубокія разсужденія занимаютъ насъ, и мы философствуемъ. Какъ пріятно философствовать съ женщинами! — не по тому, что легко быть Сократомъ или Платономъ съ ними — отнюдь нѣтъ: а по тому, что разумъ нашъ и сердце подлѣ нихъ *свѣжѣе, цвѣтущѣе* — иначе не умѣю изъясниться: кто былъ на моемъ мѣстѣ, тотъ пойметъ меня!

Однажды говорили о *щастіи* — разговоръ этотъ остался въ памяти моей. — „Кто щастливъ и кто нещастливъ?“ спросила одна изъ *Аглазій* моихъ: надобно было отвѣчать; жребій палъ на

меня. — „Думаю, щастливъ только тотъ (сказалъ я), кто не пренебрегаетъ щастїя.“ — *Извяснитесь.* — „Извольте: для истиннаго щастїя, по моему мнѣнїю, ничего инаго не надобно, какъ здравой разсудокъ и неиспорченное сердце. Ежели вы при всякомъ взорѣ на положенїе ваше будете разбирать, сравнивать, взвѣшивать; ежели при всякомъ случаѣ къ доброму дѣлу будете стараться воспользоваться имъ — то въ спокойномъ, въ избыточномъ состоянїи увидите преимущества свои; въ заботномъ, въ недостаточномъ найдете для себя утѣшенїе, — то въ забавахъ, въ наслаж-

деніяхъ сердце ваше будетъ чувствовать жизѣе, полнѣе; въ прискорбіяхъ, въ горестяхъ будетъ бодрственнѣе, сильнѣе. И такъ, у кого разсудокъ и сердце не безъ должнаго имъ дѣла; кѣмъ не забыты, такъ сказать, не пренебрежены они, тотъ знаетъ, въ чемъ состоитъ таинство, называемое щастіемъ, гдѣ спрятанъ волшебный ключь къ нему . . . Онъ не пойдетъ изъ дому искать его; не будетъ имъ обязанъ сосѣду своему: онъ найдетъ его — въ себѣ. "

Но болѣзни, но сильныя горести, но людская злоба?

„Вы хотите *совершенства*, изъятія *всѣхъ* золъ: совер-

шенство принадлежитъ только Одному; зло есть и въ самой природѣ. Чего не могла отвратить сильная рука матери, должно ли слабымъ дѣтямъ надрываться надъ тѣмъ? Я указалъ вамъ на *возможность* человѣческаго щастія; а что предоставлено Ангеламъ, того желать безразсудно. — Не смѣшно ли почитать себя голоднымъ для того, что не тѣмъ, а другимъ блюдомъ насытился я? *Хорошее* кушанье усладило бы болѣе вкусъ мой, конечно; но я сытъ — какъ же мнѣ тосковать, подобно страждущему голодомъ? Люди, всегда не довольные *своимъ*, не то ли дѣлаютъ?“

Много еще говорено было pour и contre моего мнѣнїя — но разсужденїя наши сошлись какъ-то въ одну точку и кончились общимъ согласїемъ.

Ахъ! въ самое то время, когда талисманъ щастїя въ рукахъ моихъ; когда дѣлюсь имъ съ другими — томной вздохъ вырывается изъ унылаго моего сердца; слезы застилаютъ глаза мои . . . меланхолїя, старая подруга души моей! . . . . . .

. . . . . .

Гдѣ Амуровы стрѣлы не ранятъ сердецъ? гдѣ любовь всемогущая не имѣетъ трона и олтарей? гдѣ волшебная симпатїя не дѣйствуетъ надъ

душами? гдѣ люди съ камнемъ въ груди?.. И въ нашъ кругъ залетѣла стрѣлка рѣзваго малюпки; и изъ нашего общества сдѣлали поклоненїе богини вселенной; и между нами почувствовали магическое прикосновенїе милой Феи.... Явился *Эндимїонъ* — и невинная *Дїана* хочетъ отдѣлиться отъ Нимфъ своихъ — хочетъ остаться одна — хочетъ поцѣловать дѣвственными устами щастливаго смертнаго .... Мы видимъ дѣйствїе Циперскаго очарованїя съ обѣихъ сторонъ; радуемся щастливой встрѣчи — желаемъ . . . опускаю завѣсу . . . Кто мнѣ далъ право открывать *таинства Элевзин-*

скія? . . хочу лучше имѣть достоинство *Элолта* (*).

(*) Такъ назывались тѣ, которые, выдержавъ опыты, допускаемы были къ созерцанію таинствъ Элевзинскихъ.

XI.

ВЕСНА.

Какъ я жалѣю о тѣхъ людяхъ, у которыхъ нѣтъ весны! Подъ вѣчно-лучезарнымъ небомъ Юга она сливается непримѣтно съ зимою и съ лѣтомъ; но здѣсь, въ щастливой Малороссіи, переходъ отъ дурнаго времени къ прекраснѣйшему всего, пріятнѣе на свѣтѣ. Въ Россіи онъ еще чувствительнѣе, но за то дорого очень стоитъ!

Здѣсь вамъ кажется, что Апрѣль снесъ для васъ съ собою всѣ небесныя наслажденія: воздухъ, птички, зелень,

ручейки, цвѣточки — все нечаянно, вдругъ плѣнитъ чувства ваши; комната сдѣлается вамъ постыла — выбѣгаете въ поле, радуетесь, восхищаетесь, не думаете ни о чемъ, кромѣ наслажденія, и хотите вѣчно жить въ тѣнистомъ, смиренномъ *хуторѣ* (*) подлѣ Кіева.

Не знаю, на всѣхъ ли живительное дыханіе весны дѣйствуетъ такъ сильно, какъ на меня: она *развиваетъ*

(*) Хуторами называютъ въ Малороссіи пять, шесть крестьянскихъ хатъ (избъ). — Одна изъ нашихъ дамъ безпрестанно твердила: „я куплю маленькую деревню около Кіева.“

душу мою вмѣстѣ съ лисиночками; *струитъ* чувства въ сердцѣ моемъ вмѣстѣ съ ручейками; *воскрыляетъ* воображенїе мое вмѣстѣ съ Зефирами... чувствую — мечтаю — наслаждаюсь несравненно живѣе, несравненно сильнѣе, нежели отъ чего нибудь, нежели когда нибудь.

Иду по полю — и каждой шагъ сопровождаю вниманїемъ: не хочу ступить такъ, чтобы шагъ мой пропалъ для меня — хочу *чувствовать*, что гуляю по *полю* . . . По блестящимъ *Бульварамъ* гуляютъ совсѣмъ инымъ образомъ. Тамъ бѣгаютъ . . . отъ скуки, которая гонится за вами, подоб-

но страстному любовнику; скрываютъ ее отъ самихъ себя, какъ и во всякомъ городскомъ веселіи, подъ магическимъ, всесильнымъ словомъ *мода*; смотрятъ другъ другу въ глаза безъ всякаго намѣренія; оглядываютъ другъ друга съ головы до ногъ, какъ люди изъ розныхъ сторонъ свѣта — какъ чудо одинъ для другаго; устаютъ до смерти безъ всякаго удовольствія и возвращаются домой съ тѣмъ, чтобъ завтра — на Булеваръ! . . .

Еще разъ: простите мнѣ, друзья мои, гуляющіе по булеварамъ; простите мнѣ, красавицы, для которыхъ

слава Булевара также дорога, можетъ быть, какъ и собственная! я не желаю оскорбить васъ; желалъ бы только какимъ нибудь волшебствомъ перенести васъ, милые, на булеваръ — Природы.

Природа, природа! что лучше, что милѣе тебя? . . Съ тобою, въ объятіяхъ твоихъ все совершеннѣе! Радость ли, щастье ли — сердце наслаждается свободнѣе, сильнѣе; любовь ли, дружба ли — душа блаженствуетъ нераздѣльнѣе, полнѣе; — красавица ли гуляетъ на зелени — она кажется богинею; дѣти ли бѣгаютъ по лугу — они кажутся Амурами . . .

Все такъ интересно, такъ привлекательно — до всякой бездѣлки, до всякой малости! И человѣкъ можетъ скучать Природою! можетъ добровольно заключить себя въ угрюмомъ, хладномъ городѣ тогда, когда она предлагаетъ ему безчисленныя веселія! . . . неблагодарный!!

. . . . . .

Вхожу въ березовую или дубовую рощу — и тысяча разнотонныхъ яркихъ голосовъ крылатыхъ Орфеевъ поражаютъ слухъ мой. Благоуханіе цвѣтовъ, подобно ѳиміаму, разливается въ воздухѣ; восхищеніе объемлетъ душу мою; сердце стремится къ райской, къ неизъяс-

нимой сладости . . . вздохи одинъ за другимъ, вылетаютъ изъ груди моей, и я говорю съ *Кинольтомъ*:

Quand on vient dans ce bocage,
Peut-on s'empêcher d'aimer?
Que l'amour ſous cet ombrage
Sait bientôt nous déſarmer!
Sans effort il nous engage
Dans les noeuds qu'il veut former.
Que d'oiſeaux ſous ce feuillage!
Que leur chant doit nous charmer!
Nuit & jour par leur ramage
Leur amour ſait s'exprimer.
Quand on vient dans ce bocage,
Peut-on s'empêcher d'aimer?

Здѣсь и рощи зеленѣе, и цвѣты душистѣе, и пташки поютъ лучше! —

Или при угасающихъ лучахъ солнечныхъ гуляю по берегу спокойнаго озера, которое служитъ величественнымъ зеркаломъ величественнѣйшему предмету въ мірѣ. Розовые струи огненнаго шара пестрятъ синюю воду. Иногда быстрая лодочка разсѣкаетъ гладкую ея поверхность, и тихой, меланхолической шумъ кроткихъ волнъ раждаетъ неописанныя мечты и чувствованія . . . какое удовольствіе!

Образъ милыхъ моему сердцу мѣшается всегда во всѣ удовольствія мои. Не могу взглянуть на что нибудь пріятное глазамъ, чувствовать что нибудь пріятн-

ное въ сердцѣ безъ того, чтобъ не вспомнить васъ, друзья мои!

Какъ часто сердце мое требуетъ тебя, любезной мой Б—нъ! оно помнитъ пріятное время, не давно съ тобою проведенное; помнитъ нѣжную любовь твою — помнитъ и не забудетъ во вѣки!

Ахъ! ледяное сердце *Тимонова* не узнаетъ, что такое радости, щастіе!

XII.

ГОРЕСТНЫЙ ОБРАЗЪ!

Слушая однажды обѣдню въ сельскомъ храмѣ, я взглянулъ на стоящихъ подлѣ меня крестьянъ и увидѣлъ множество горбатыхъ между ими; одежда и лица ихъ доказывали, что они гораздо бѣднѣе другихъ. — Я захотѣлъ узнать достовѣрнѣе о состоянїи ихъ — узналъ и полуцыркульныя ихъ спины показались мнѣ самымъ простымъ феноменомъ . . . Ахъ! радость и щастїе *поднимаютъ* вверхъ голову нашу, а нищета и горесть *наклоняютъ* ее внизъ! . . Взгляните

на любимца фортуны: онъ не думаетъ о томъ, что у него подъ ногами; онъ *увѣренъ*, что ходитъ по коврамъ, по розамъ — и шея его не имѣетъ никакой нужды згибаться. — Взгляните теперь на печальную противоположность — взгляните на забытаго людьми и рокомъ: пониклый мрачный взоръ его устремленъ на землю; онъ ищетъ на ней . . . могилы, единственной отрады жизни своей! . . Обманчивая надежда не распрямляетъ уже стана его . . . . горестный образъ!

XIII.

МАНУСКРИПТЪ.

Нечаянный случай доставилъ мнѣ памятникъ супружеской и отцовской нѣжности — ветхой манускриптъ, которой показался мнѣ замѣчательнымъ. Вотъ исторія его: Нѣжный, пламенный супругъ лишился обожаемой супруги въ тотъ самой часъ, когда она отдавала ему на руки первый залогъ любви ихъ. Въ горести, въ отчаяніи онъ изливалъ потомъ душу свою въ стихахъ къ своему сыну, причинѣ и утѣ-

шенїю скорби его. — Я сообщаю ихъ чувствительнымъ супругамъ и отцамъ; сообщаю такъ, какъ они мнѣ достались.

Утѣшенїе огорченнаго моего сердца, къ моему сиротѣ.

Спи, сиротка! успокойся
На рукахъ, птенецъ, моихъ!
Богъ помощникъ намъ — не бойся . . .
Ахъ! Онъ любитъ чадъ своихъ!
Язычекъ старайся править —
Милость Выпняго прославить;
Имя Бога произнесть.

*

Спи, птенецъ — Господь съ тобою!
Благъ безъ мѣры намъ Творецъ!
Онъ тебя святой рукою
Сохранитъ отъ злыхъ сердецъ;
Опразитъ коварныхъ стрѣлы,
И въ неопытны, незрѣлы
Лѣта будетъ твой Онъ щитъ.

*

Учись въ младенчествѣ душою
Любить друзей, — враговъ прощать;
Съ охотой, съ радостью живою
Спѣши нещастнымъ помогать.
Одно добро Творцу пріятно; —
Однимъ лишь злобнымъ непонятно,
Какъ сладостно благотворить.

*

Учись богатствомъ не гордить-
ся —
Богатство тлѣнъ и суета;
Учись имъ съ бѣдными дѣлиться:
Для насъ нещастный, сирота
Предметомъ долженъ быть свя-
щеннымъ;
Съ душою, съ сердцемъ уми-
леннымъ
Ступай на срѣтенье ему.

*

Оставь чертогъ, спокойно ложе,
Когда ждутъ помощи твоей.
Ахъ! нѣги, роскоши дороже
Слезъ горькихъ отереть ручей!
Утѣшь печальнаго скорѣе —
Добро намъ во время милѣе!

*

Помни: самъ былъ сиротою —
Сирымъ покровитель будь;
Какъ тебя Своей рукою
Богъ хранилъ — не позабудь;
Охраняй ихъ въ лѣта нѣжны,
И спокойны, безмятежны
Дни для нихъ уготовляй.

*

Въ мирѣ будь всегда съ собою;
Въ сердцѣ правъ, въ законѣ твердъ;
Цѣломудренъ ввѣкъ душою,
И къ подвластнымъ милосердъ;
Ужасайся быть тираномъ,
Въ чувствахъ хладнымъ истуканомъ;
Тщися другомъ быть людей.

*

Будь подобенъ простотою
Нравовъ матери твоей,
Чувствъ сердечныхъ чистотою
И невинностью своей;
Будь во всемъ ты ей подобенъ,
Какъ она, будь кротокъ, скро-
менъ —
Какъ она, мнѣ будешь милъ.

*

Не увидишь, птенчикъ милый!
Нѣжной маменьки своей:
Рокъ ее неумолимый
Отъ твоихъ сокрылъ очей!
Ласки, другъ мой, не дождешься,
Ввѣкъ отъ маменьки драгой!..
Ахъ! какъ чувствами проснешься,
Спросишь съ первою слезой —
Спросишь ты объ ней — но
тщетно!

*

Спросишь: „гдѣ она? скажите;
Кѣмъ рожденъ я? — дайте знать;
Мать мою мнѣ покажите,
Чтобъ я могъ ее обнять;
Чтобъ она меня обняла;
Чтобъ лобзая мнѣ сказала
Съ нѣжнымъ чувствомъ: *милый мой!*“

*

Спросишь, другъ мой: „для чего же
Я не вижу мать мою?
Развѣ есть что ей дороже
Слезъ, объ ней которы лью?“ —
Птенчикъ милой, пшенчикъ бѣдной!
Нѣтъ ужъ маменьки любезной —
Прахъ ея лежитъ въ землѣ!

*

Пойдешь къ ней нѣкогда со мною,
Пойдешь, о птенчикъ милой мой!
Мы вступимъ томною ногою
Съ умильнымъ сердцемъ въ
храмъ святой:
Тамъ — тамъ остатокъ драго-
цѣнной
Моей супруги незабвенной
Во гробѣ скрытъ отъ глазъ
моихъ!

*

Мы спустимся, мой другъ, съ
тобою
По мрачнымъ ступенямъ земли;
Дверь страшно скрыпнетъ — я
завою;
Ты скорбь души моей дѣли;
Плачь — плачь со мною и тер-
зайся,
И грустью сердца наслаждайся —
Вотъ вся отрада въ жизни намъ!

*

Узнаешь, гдѣ опочиваетъ
Прахъ нѣжной матери твоей;
Обнимешь гробъ, что заключаетъ
Всѣ радости души моей . . .
О Ангелъ мой, моя супруга!
Мы жить хотѣли другъ для друга —
Тебя ужь нѣтъ . . . и я ничто!!

*

Тлѣнна нить когда прервется
Жизни горестной моей:
Пусть мой прахъ перенесется
Къ праху матери твоей.
Сей завѣтъ исполни вѣрно;
И въ душѣ — нелицемѣрно —
Помни насъ — за насъ молись!!

*

Съ тобою будь благословенье
Мое и матери твоей;
Да будетъ Богъ покровъ, спасенье
Тебѣ въ мятежной жизни сей!
Да родъ тобой нашъ возродится,
И добродѣтель водворится
Въ семействѣ, милый сынъ, твоемъ!

Есть нѣжныя мысли, глубокія чувства и трогательныя наставленія въ посредственныхъ стихахъ сихъ — по крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажется. — Я хотѣлъ сдѣлать ихъ одной стопы, но какое-то чувство сказало въ сердцѣ моемъ: *оставь такъ, какъ есть!*

XIV.

У Г О Щ Е Н І Е.

Крезы, скучающіе жизнію въ златыхъ своихъ чертогахъ и не умѣющіе пользоваться благами фортуны! поѣзжайте въ *Буду* (*), и вы узнаете, что такое веселья, удовольствія, наслажденія; — узнаете, въ чемъ состоитъ истинное преимущество богатства своего; — узнаете, сколько вы бѣдны посреди своихъ сокровищъ и скажете противъ воли своей:

(*) Село, принадлежащее Д* И* Ш***, въ Малороссіи.

за чѣмъ мы обладаемъ милліонами!

Мы предприняли всѣмъ обществомъ своимъ новое путешествіе въ другую часть Малороссіи, называемой Украйною. — На пути нашемъ были угощаемы четыре дни въ сей Будѣ — на островѣ очарованія, которой можетъ быть описанъ только Тассомъ, Фенелономъ или — это ближе къ намъ — Херасковымъ — угощаемы почтеннымъ ея хозяиномъ, человѣкомъ, имѣющимъ посредственное состояніе, но обладающимъ сокровищами — рѣдкими, безцѣнными.

По пріѣздѣ нашемъ — ввечеру — тотчасъ повели

насъ въ театръ. Загремѣла музыка, поднялся занавѣсъ, явились Актёры. Была Опера. Главная пѣвица восхитила сердца наши сладкимъ, пріятнымъ, *одушевленнымъ* голосомъ; Буффо истинно комическимъ талантомъ своимъ плѣнилъ насъ. Опера кончилась. Снова поднялся занавѣсъ, и блестящій балетъ поразилъ взоры наши.

Живописныя Терпсихорины группы (*), которыхъ выразительныя положенія, обороты, взоры, картины

(*) Въ балетной труппѣ нѣтъ ни одного мущины; лица ихъ представляютъ нѣкоторыя изъ танцовщицъ.

изъясняютъ вамъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ исторію дѣйствія ихъ; солисты, подобные молніи быстротою ногъ своихъ, за которыми глаза ваши не успѣваютъ слѣдовать, изображающіе каждымъ движеніемъ рукъ, лица различныя страсти души и сердца со всѣми ихъ оттѣнками; богатая одежда; прекрасныя декораціи; превосходной оркестръ — все, все изумитъ, обворожитъ васъ. — — *Маренкова*, *Дразлова*, *Касаковская*, *Кодинцова*! вы бы были украшеніемъ самой блестящей сцены великолѣпнѣйшей столицы!

Древняя наша столица — одна изъ богатѣйшихъ въ

свѣтѣ — никогда не имѣла такого балета! Я сравнивалъ и другія части здѣшняго скромнаго театра съ гордымъ Московскимъ, и къ чувствительному сожалѣнію моему находилъ въ послѣднемъ многія хуже. — До сихъ поръ вообще театръ нашъ не былъ привлекателенъ — но будетъ безъ сомнѣнія впередъ. Какая розница между человѣкомъ благороднымъ и промышленникомъ — однимъ словомъ: какая розница между нынѣшнимъ содержателемъ театра и прежнимъ!.. И какую розницу увидимъ конечно между прежнимъ театромъ и нынѣшнимъ! —

— Плавильщиковы, Померанцовы, Сандуновы! вы явитесь въ лучезарнѣйшемъ блескѣ таланта вашего на сценѣ своей, которая до сего времени не была достойна васъ! Явятся можетъ быть и новые драматическіе Авторы — и мы узнаемъ прелесть драматическаго наслажденія, и имя К* В* будетъ любезно любителямъ изящныхъ талантовъ.

По томъ каждый день спектакль и балъ. Гостей было довольно. Между тѣмъ, какъ отдыхали отъ контрданцовъ, юныя Нимфы Терпсихорины танцовали нѣкоторыя сцены изъ балетовъ, или что нибудь другое. Ихъ иску-

ство, легкость, гибкость, пріятность движенія были еще плѣнительнѣе, *интереснѣе* для глазъ вблизи, нежели на театрѣ, въ большой, освѣщенной множествомъ люстръ, галлереѣ. Послѣ нихъ выступаютъ на сцену двѣ Цыганки, то есть, двѣ Терпсихорины же Нимфы, въ совершенно цыганскомъ костюмѣ, и подъ громкія, отрывистыя пѣсни, аккомпанируемыя оркестромъ, пляшутъ съ неописанною прелестью. Одна изъ сихъ стоитъ того, чтобъ описать ее — и лучшею кистью, нежели моя. Вообразите Грацію съ черными волосами, съ черными глазами, съ пріятн-

нѣйшею улыбкою на прекрасно-образованныхъ розовыхъ устахъ, въ алой казимировой одеждѣ (*); вообразите при этомъ живость выраженій цыганской пляски . . . . ахъ, Полянская (**)! — Громъ рукоплесканія раздается въ пространствѣ галлереи. Мнѣ казалось, что я въ Аѳинахъ у роскошнаго Гиппія, въ храмѣ наслажденія; что все то, о чемъ *мечталъ* любезный К* въ минуты пріятныхъ мыслей (***), исполни-

---

(*) Въ цыганской.

(**) Фамилія ея.

(***) См. во II Ч. Аглаи, *Аѳинская жизнь.*

лось со мною въ самомъ дѣлѣ . . . О Ш*! ты бы былъ совмѣстникомъ *Гиллія* въ щастливыхъ нѣкогда Аѳинахъ! Но чѣмъ не обязанъ тебѣ пустынный край, въ которомъ ввелъ ты столько пріятностей, столько просвѣщенія! . . Горе ему, ежели онъ не знаетъ цѣны всему этому!

Теперь позвольте мнѣ, друзья мои, сказать вамъ о томъ, что чувствительному сердцу всего драгоцѣннѣе, всего милѣе. — Добродѣтель, святая добродѣтель! . . во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ состояніи добродѣтель равно прелестна, равно лучезарна —

и мы вездѣ должны поклоненіемъ ей!

Представьте себѣ стройнаго, прекраснаго съ хорошимъ ростомъ мущину, однимъ словомъ: *Вестриса* въ ролѣ Адониса или Алонза (*) — это женщина!.. женщина — слѣдственно вы еще болѣе плѣняетесь ею — болѣе, нежели самимъ Вестрисомъ. Глаза ваши и сердце летаютъ за нею; не хотятъ ни на минуту съ нею разстаться, и руки ваши поднимаются сами собою, чтобъ плескать въ живѣйшемъ восторгѣ сердца.

(*) Балеты.

Столько удовольствій самолюбія не вредитъ душѣ ея: она идетъ съ блестящаго своего трона при отголоскахъ рукоплесканія — упѣшитъ горестнаго, помочь бѣдному; отдаетъ имъ все (*)... не могу болѣе ..... слезы запылали въ груди моей ..... Признаюсь, друзья мои, что въ другомъ случаѣ сія же самая добродѣтель менѣе бы тронула меня .... Вы отгадаете, по чему.

Какая при всемъ этомъ скромность, учтивость, вѣжливость — ахъ! какъ она интересна!

(*) Я имѣлъ особливый случай узнать обо всемъ этомъ.

Кто, поживъ три, четыре дни въ *Будѣ*, не растаетъ сердцемъ, у того каменное сердце; но меня не льзя упрекнуть этѣмъ: я сталъ плѣнникомъ одной Эвхарисы и, подобно сыну Улиссову, не желалъ свободы. —

Въ заключеніе скажу, что помѣщикъ *Буды* благотворитель: всѣ сіи плѣняющія васъ существа, о которыхъ печется онъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, извлечены имъ изъ ничтожества — то есть, изъ крестьянскаго состоянія. — Судите же, какое разстояніе между теперешнею участью ихъ, и тою, которая ихъ ожидала! — Превращеніе ихъ покажется непонятнымъ для васъ!

XV.

ЛЮБИМЕЦЪ ФОРТУНЫ.

Кто имѣетъ пять тысячъ человѣкъ къ своимъ услугамъ, тотъ неоспоримо — *любимецъ фортуны.* Отъ него зависитъ быть и любимцемъ *щастїя* . . . „Фортуна и щастїе, скажете, по моей дїалектикѣ не синонимы — не одно и то же?“ Нѣтъ: первое не совсѣмъ Руское слово — знаю, но оно такъ давно въ Рускомъ словарѣ, что можетъ имѣть право на отечественность, и значитъ, кажется, щастливой *случай*, а не самое щастїе, которое ни въ чемъ, думаю, изключитель-

но опредѣлить не льзя. И такъ любимцы одной не всегда бываютъ любимцами другова.

Разставшись наконецъ съ милой Будою и со всѣми ея очарованіями, мы были еще угощаемы на пути своемъ однимъ *щастливымъ любимцемъ фортуны* — щастливымъ по тому, что онъ умѣетъ пользоваться дарами своенравной богини, осыпавшей его оными.

Прекрасный сельской домъ, убранный руками Грацій; прекрасная услуга, прекрасный столъ, прекрасная музыка — все доказываетъ, что пять тысячь душъ, которыми Б** обладаетъ, не

въ *сундукахъ Гарлагонскихъ* — если-бы только могу сказать такъ. — Съ какимъ удовольствіемъ принималъ, угощалъ насъ любезной хозяинъ! —

На другой день мы были въ сельской его церкве у обѣдни; загремѣлъ хоръ пѣвчихъ — и я думалъ, что я очутился у *Никиты Мученика* въ Москвѣ . . . сладкое очарованіе! . . *Колокольниковы* пѣвчіе конечно не оскорбятся сравненіемъ: оно справедливо! —

Огромнымъ оркестромъ его дирижируетъ славный *Альбертини*, котораго скрыпка доставила душѣ моей райскія минуты. —

Послѣ обѣда сидѣли въ саду подъ тѣнистыми древними липами; время было наилучшее; легкой, пріятной разговоръ занималъ насъ съ тою непринужденностію, которая неизвѣстна въ великолѣпныхъ гостинахъ городовъ. Меня занимало многое — и одна нечаянная идея овладѣла моимъ воображеніемъ. Я побѣжалъ въ кабинетъ, въ которомъ все означаетъ нѣжной вкусъ хозяина, и написалъ слѣдующіе стихи, посвятивъ ихъ одной изъ моихъ дамъ:

Пѣсня.

Если я тебѣ словами
Не сказала: *ты мнѣ милъ!*
То сказала все глазами —
Все, что въ душу ты вселилъ.

*

Власть любви я ощутила
Съ первымъ взоромъ на тебя;
И тогдажъ тебѣ вручила
Тайно жребій мой — себя.

*

Щастье ждетъ насъ иль напасти —
Рокъ во мракѣ нашъ сокрытъ!
Но въ нѣжнѣйшей сердца страсти
Лишь минута все рѣшитъ.

*

Сердцу страшная минута!
Ты велѣла мнѣ любить . . .
Не уже ли доля люта
Мнѣ велитъ ввѣкъ слезы лить?

*

Нѣтъ! тебѣ казался ясенъ
Каждый взоръ моихъ очей; —
Страхъ души моей напрасенъ:
Я мила душѣ твоей . . .

*

Я мила тебѣ! . . блаженство
Эта мысль мнѣ въ сердце льетъ . . .
Ахъ! въ ней рая совершенство
Ввѣкъ душа моя найдетъ!

Ввечеру любезный хозяинъ предложилъ молодому человѣку, члену нашего общества, и мнѣ прогулку

верьхомъ. Я сердечно обрадовался предложенію сему, любя верьховую ѣзду чрезвычайно — и мы ѣздили на прекрасныхъ лошадяхъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ.

Болѣе сутокъ прожили мы какъ одинъ пріятный часъ — и *Чемиръ* (*) останется навсегда въ моей памяти.

Все прекрасно въ Чемирѣ, но всего лучше въ немъ . . . хозяинъ.

(*) Имя деревни, въ которой угощались мы.

XVI.

НЕПРІЯТНОСТЬ.

Какъ предвидѣть, что съ нами случится! — Проѣзжая черезъ городъ Р*, мнѣ захотѣлось, между тѣмъ, какъ перемѣняли лошадей, походить по городу. Встрѣчается со мною Шефъ стоящаго тамъ пѣхотнаго полку; онъ ѣхалъ верьхомъ, — проѣхалъ и черезъ минуту скачетъ ко мнѣ Офицеръ изъ свиты его, и самымъ грознымъ голосомъ спрашиваетъ меня: „Кто вы?“

Я. Проѣзжій.

Онъ. Генералъ приказалъ спросить, кто вы именно; а я дежурной Маіоръ по городу; фамилія моя — — (*я тогда же забылъ ее; какая-то Нѣмецкая.*)

Я (разсмѣявшись — ибо *дежурной Маіоръ по городу* съ трудомъ сидѣлъ на лошади отъ усердной службы — къ Бахусу). Ни вы, ни Генералъ вашъ не имѣетъ права спрашивать — но чтобъ развязаться съ вами (я назвалъ себя); поѣзжайте съ Богомъ.

Исправной дежурной Маіоръ не удовольствовался еще этѣмъ — зашумѣлъ ужаснымъ образомъ, — народъ сполпился, окружилъ насъ, —

я не зналъ, чѣмъ все это кончится. Скачетъ самъ Генералъ къ намъ; я обрадовался ему, надѣясь, что Генералъ прекратитъ все — но ошибся. Я подошелъ къ нему.

Генералъ (скинувъ шляпу). Позвольте спросить, кто вы?

Я (скинувъ также шляпу). Если должно мнѣ отвѣчать непремѣнно, то (еще разъ назвалъ себя) . . .

Генералъ, не дожидаясь болѣе ничего, далъ шпоры и скрылся какъ молнія, оставя со мною безобразнаго своего Маїора, которой между тѣмъ распалился болѣе Бахическимъ пламенемъ; бранилъ меня, за что не знаю;

давилъ своею лошадью; я отмахивался платкомъ, единственнымъ моимъ на тотъ разъ орудіемъ — и Богъ знаетъ, что бы могло воспослѣдовать, ежели бы не подоспѣлъ Городничій, которой избавилъ меня отъ пьянаго Геркулеса.

Прискорбно! но въ большой семьѣ какъ безъ урода?

XVII.

ПОЛТАВСКОЕ ПОЛЕ.

Не умѣю сказать, что чувствуетъ сердце, когда, подъѣзжая къ Полтавѣ, увидите вы на обширномъ полѣ высокой курганъ (*) — могилу нѣсколькихъ тысячь жертвъ славолюбія!.. Мысль, что вы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сей фанатикъ героизма, Карлъ XII, и сей Геній мудрости, Петръ I, летали по рядамъ войскъ

(*) Круглой холмъ. На Полтавскомъ полѣ онъ служитъ одною могилою всѣхъ убитыхъ воиновъ.

своихъ; одушевляли присутствіемъ своимъ слабѣющихъ и усугубляли мужество храбрыхъ — кажется, что вы сами чувствуете *вдохновеніе* ихъ присутствія — мысль, что на самомъ этомъ мѣстѣ рѣшилась въ нѣсколько часовъ судьба сильнѣйшаго Государства въ свѣтѣ; что ежели бы щастіе склонило въ другую сторону вѣсы свои, то какіе люди, какія сцены были бы тутъ; — тысяча еще другихъ мыслей, которыя пробѣгаютъ съ быстротою молніи въ душѣ вашей, дѣйствуютъ на чувства ваши неописаннымъ образомъ!

Сѣвъ на горѣ, по которой пропятгивается городъ

Полтава, я читалъ въ путешествіи Измайлова сравненіе Карла XII съ Петромъ Великимъ — читалъ съ живѣйшимъ чувствомъ, нежели прежде, при видѣ тѣхъ предметовъ, которые воспламеняли щастливое его воображеніе; жалѣлъ и утѣшался вмѣстѣ съ нимъ, что славнѣйшій день въ лѣтописяхъ Россіи не ознаменованъ славнымъ памятникомъ и не воспѣтъ Музою Державина; потомъ сличалъ описаніе сихъ самыхъ предметовъ съ подлинникомъ, и радовался точности его. — Сія эспланада, распещренная рѣчьками, лѣсочками, крестьянскими и господскими домиками; сей монастырь, гордо

возвышающійся на высокомъ холмѣ (*), занимали нѣсколько часовъ глаза и душу мою съ такимъ удовольствіемъ, котораго — не могу выразить.

Естьли бы хотя одинъ разъ вздумалось судьбѣ согласиться съ моимъ желанїемъ, то я бы построилъ себѣ на этой горѣ маленькой домикъ, и съ милою сердцу — безъ милой все не мило! — смотрѣлъ бы въ праздныя часы на прекрасную природу изъ оконъ моихъ! . . . все другое охотно другимъ оставляю.

(*) См. Путешествіе въ Полуденную Россію, Ч. I, письмо XLIII и XLIV.

XVIII.

СКВОРЕЦЪ.

Чѣмъ женщины, милыя женщины! не утѣшаются иногда! — Одна изъ нашего общества вздумала взростить и *воспитать* юнаго скворца съ тѣмъ — ибо гдѣ вы видѣли чистое благодѣяніе? — чтобъ онъ выучилъ и твердилъ безпрестанно *любезное* ей *имя*. Заботы были чрезвычайныя; кормили, поили изъ своихъ рукъ — только *мать* бѣдной пташки кормила бы ее, думаю, лучше! Малютка разѣвала ротъ, сколько можно болѣе; ей совали какія-то кусочки, и

всякой разъ, казалось, воспитанникъ подавится. Хотѣлось, чтобы онъ выросъ и выучился поскорѣе — женщины не любятъ медленности, — торопили бѣдниньказо, и однимъ утромъ нашли его — безъ жизни! . . . Всѣ сожалѣли о неудачѣ добраго дѣла. — „Не уже ли вы не напишете эпитафіи?“ сказала мнѣ нещастливая женщина. — „Какъ не написать — это долгъ мой“ — отвѣчалъ я, и исполнилъ его.

ЭПИТАФІЯ

Юному скворцу моему.

Взростить тебя, дружокъ,
хотѣла для того,
Чтобъ имя ты твердилъ все-
часно дорогое;
Но ты закрылъ глаза, не вы-
учивъ его —
И такъ *безъ слезъ моихъ* лежи
навѣкъ въ покоѣ!

XIX.

ДНѢПРЪ.

Ежели бы я имѣлъ дарованïе К* или Д*, то бы воспѣлъ *Днѣпръ*, такъ какъ они воспѣли *Волгу*: но я могу только прельщаться имъ!

Наконецъ я увидѣлъ Днѣпръ — цѣль пламеннаго моего желанïя. Мы живемъ теперь на прекрасномъ берегу прекрасной рѣки сей, въ сельскомъ маленькомъ домикѣ и гуляемъ безпрестанно подъ шумомъ гордыхъ волнъ ея. — Какая Пïитическая природа тутъ, гдѣ жилище наше; тутъ, гдѣ гуляемъ мы съ утра до вечера!.. Необозри-

мой лугъ, усѣянной желты-
ми, лиловыми и голубыми
цвѣточками съ журчащими
отъ мѣста до мѣста ручей-
ками — лугъ, какимъ толь-
ко восхищаемся въ Идиллі-
яхъ или Эклогахъ, и ко-
торой всеминутно напоми-
наетъ вамъ какія нибудь изъ
стиховъ Гжи. Дезульеръ или
Виргилія; — небольшія ро-
щицы, убѣжище любви и
блаженства; гранитной на
другой сторонѣ берегъ и
грозныя скалы; бальзамиче-
ской воздухъ отъ испаренія
душистыхъ травъ; прекра-
снѣйшія въ свѣтѣ Майскія
вечера и утра . . . о приро-
да! о чувствительность!

Болѣе меня никто не бродитъ по злачнымъ лугамъ и берегамъ Днѣпровскимъ — и, признаюсь, когда брожу *одинъ*, тогда удовольствіе мое несравненно живѣе — тогда въ сладкой тишинѣ безмолвія при видѣ величественной рѣки и тысячѣ красотъ природы предаюсь движеніямъ сердца моего безпрепятственно.

Мысли о прошедшемъ — о томъ времени, когда этотъ Днѣпръ былъ свидѣтелемъ лучшихъ удовольствій души моей въ лучшемъ періодѣ жизни — въ щастливой юности; когда цвѣтущее сердце мое и воображеніе расписывало для меня прелестнѣй-

ними краскаии всѣ предметы; когда *будущее* казалось мнѣ розовою безконечною цѣпью радостей; когда пріятнѣйшія надежды казались мнѣ несомнѣннымъ событіемъ.... Ахъ! кто бы тогда могъ увѣрить меня, что черезъ нѣсколько лѣтъ я буду на этомъ мѣстѣ *грустить* о минувшемъ — и болѣе ничего!

Témoins de mes beaux jours, de
mes premiers désirs,
Beaux lieux! qu'avez-vous fait de
mes premiers plaisirs?

Говорю я съ Делилемъ — говорю тысячу разъ, не чувствуя слезъ, которыя струятся по лицу моему. —

Простите мнѣ слабость мою, говорить о *себѣ* — о чувствахъ *своего* сердца! Это единственный эгоизмъ мой — простите мнѣ его!!

XX.

МОГИЛА ДРУГА.

Кто потерялъ истиннаго друга, тотъ знаетъ, что могила его для сердца нашего! . . Могила друга! . . Ахъ! одинъ звукъ словъ этѣхъ выражаетъ все - все!

О другъ мой! Судьба не хотѣла, чтобъ я закрылъ глаза мои навѣки, не видавъ твоей могилы — и сердце мое исполнено пламенной благодарности къ Судьбѣ!

Уже осьмая весна освѣжаетъ зеленью прахъ твой, а рука друга твоего въ первой разъ осыпала цвѣтами уединенную твою могилу;

бѣ первый разъ слезы дружбы окропили ее!.... Мой другъ! чувствовалъ ли прахъ твой посѣщенїе твоего друга — его стенанїя, его слезы?.. Нѣтъ! я обнималъ хладной камень — и мои стенанїя уносились вѣтромъ — и мои слезы падали на безчувственную землю!.. Но мнѣ казалось, что могила твоя улыбнулась при нетерпѣливомъ взглядѣ моемъ на нее; и зеленая травка, и желтыя цвѣточки, вокругъ ее растущїя, съ чувствомъ испаряли благоуханїе свое!.. Мнѣ казалось, что и ты чувствовалъ мое присутствїе!.. Такъ; ты чувствовалъ его: чувства сердца не умира-

ютъ! . . Но что чувствовало мое въ тѣ минуты! . . . Друзья мои! да сохранитъ васъ Небо отъ горести лишиться истиннаго друга! Всѣ другія потери въ жизни ничто передъ сею! . . .

Жестокая Парка перерѣзала нить жизни друга моего въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ — тогда, когда жизнь имѣетъ столько для насъ прелестей; когда источникъ ея кажется намъ такъ полнымъ, такъ неистощимымъ! .. Разставаться съ жизнію на зарѣ ея! . . И другъ мой разсталася! ... разсталася не на моихъ рукахъ, не въ моихъ взорахъ, не при моихъ слезахъ! . . Ахъ! мнѣ

и ему было бы легче, ежели бы мы видѣли другъ друга, разлучаясь навѣки!

Съ тѣхъ поръ, какъ переселился ты, о другъ мой! въ жилище вѣчное — въ жилище покоя, всякая могила, встрѣчающаяся взору моему, оживляетъ горесть осиротѣлой души моей, обновляетъ неизцѣлимую рану моего сердца; — съ тѣхъ поръ унылое кладбище сдѣлалось симпатическимъ, любезнѣйшимъ предметомъ уединенныхъ моихъ прогулокъ и мѣстомъ глубокихъ чувствованій моего сердца.

Могила друга моего, на сельскомъ, пустынномъ кладбищѣ, осѣняется вишневыми

деревьями; около нее растетъ высокая трава и желтыя цвѣточки; Днѣпровскїя волны освѣжаютъ ее; кроткая меланхолїя царствуетъ вокругъ . . .

Другъ мой! я имѣю милыхъ сердцу моему — но мѣсто твое въ немъ никто, никто не заступитъ! . . . Прости!

Тамъ — тамъ увидимся, гдѣ болѣ нѣтъ разлуки;
Гдѣ радости насъ ждутъ за всѣ житейски муки!

XXI.

ЯКОВЪ САДОВНИКЪ.

Въ одномъ изъ здѣшнихъ Губернскихъ городовъ посѣщалъ я такого человѣка, которой представитъ вамъ бѣдность человѣческую въ самомъ трогательномъ образѣ. — Онъ былъ умной и ученой человѣкъ; былъ Секретаремъ Посольства въ Парижѣ и много путешествовалъ; теперь — въ сумасшествіи!

Когда мы вошли къ нему — я былъ съ однимъ изъ его знакомыхъ — то онъ лежалъ на постелѣ въ бѣломъ шлафорѣ; увидя насъ, вско-

чилъ тотчасъ съ постели, надѣлъ поспѣшно на правую руку перчатку, схватилъ толстую палку и большой ключь — вообразите любопытство мое! — и потомъ отрывистымъ голосомъ, указывая на стулья въ другой горницѣ, сказалъ намъ нѣсколько разъ: „садитесь, садитесь.“ Товарищь мой сталъ рекомендовать меня, но онъ твердилъ: „садитесь, садитесь.“ Мы сѣли — онъ также. Я обратилъ тотчасъ разговоръ мой къ книгамъ, которыя лежали на столикѣ въ спальнѣ его.

Я. Вы безъ сомнѣнія всегда занимаетесь чтеніемъ — предметами литтературы,

учености; имѣете библіотеку.

Онъ. Занимался прежде; имѣлъ и библіотеку, но она почти перевелась у меня. Теперь занимаюсь садомъ.

Я. Это пріятное упражненіе. Монтань также работалъ въ саду своемъ.

Онъ. Монтань только работалъ, но я — садовникъ.

Не допуская его говорить о мечтахъ своихъ, я спросилъ у него, долго ли онъ путешествовалъ.

Онъ. Пятнадцать лѣтъ, и во всей Европѣ. Въ Парижѣ прожилъ я пять лѣтъ.

Я. Съ кѣмъ вы имѣли связи, знакомства изъ извѣстныхъ людей въ Парижѣ?

Онъ. Съ Вольтеромъ, съ Руссо, съ Лагарпомъ, съ Мерсье. Я ихъ зналъ довольно.

Я. Какъ вы щастливы!

Онъ (улыбнувшись). Какое это щастїе! все суета.

Желая продлить разговоръ о Парижскомъ его знакомствѣ, я говорилъ ему о Лагарпѣ, о Лицеи его и проч.

Онъ. Да, я знаю объ его Лицеи изъ газетъ. Я читалъ также недавно въ газетахъ, что его выслали изъ Парижа; вѣрно за смѣлыя политическїя его мнѣнїя. . .

И вдругъ послѣ этого сталъ говорить о Медицинѣ, объ Астрономїи, любимой его наукѣ, которая (какъ сказываютъ) стоитъ ему ума, и о

которой говоритъ онъ теперь такъ, что не возможно не разсмѣяться. На примѣръ — говоритъ вамъ со всею ученою важностію: есть каникулярныя созвѣдія, которыя именуются русалками, и которыя превеликіе враги солнцу. Когда они сближутся, подступятъ къ нему, то дѣлаютъ ему ужасную боль — а оно уже дѣлаетъ ее намъ, и противъ воли своей; ибо вы знаете, что солнце по свойству своему дѣлаетъ только все доброе. Во всякомъ климатѣ есть эти враги солнца, но въ одномъ больше, въ другомъ меньше; и Плиній Натуралистъ, описывая этотъ край земли между Бориспе-

номъ и Чернымъ моремъ, говоритъ, что здѣсь весьма подвержены вліяніямъ русалокъ, которыя ничто иное, какъ Миѳологическія Фуріи и Сирены. Я также дѣлаю мои астрономическія наблюденія, какъ весьма нужныя для садовника, по тому, что я (наклонясь ко мнѣ) *Яковъ садовникъ*, — а другое все суета, все мечта! И вы потеряли свое время за книжками: надобно работать въ саду — вотъ что важно въ жизни нашей! другое все суета, все мечта!

Тутъ мы встали, простились съ нимъ и, признаюсь, дорогою смѣялись съ горестью странности идей его. — Бѣдной почитаетъ себя садовни-

комъ, и въ маленькомъ, ничего незначущемъ садикѣ своемъ проводитъ дни и ночи! Большая палка его и ключь служатъ, по его воображенію, орудіемъ противъ ненавистныхъ ему русалокъ.

Къ чему послужили ему умъ, знанія и все? . . Ахъ! нещастный правду говоритъ: все суета, все мечта! . . . Какъ трогательны слова сіи въ устахъ его!

XXII.

НИЧТОЖНОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Сидя на дикомъ камнѣ, я смотрѣлъ на необъемлемой почти взоромъ фундаментъ церкви, заложенной двумя славнѣйшими Монархами — Великою ЕКАТЕРИНОЮ и Іосифомъ II (*). Церковь Петра и Павла въ Римѣ должен-

(*) Въ Новороссійскѣ, или *Екатеринославѣ*, во время Путешествія Императрицы въ Южныя края Россіи. —

ствовала быть ея моделью. Геній этова края, К* П***, хотѣлъ, чтобъ она *одна* вмѣщала всѣхъ жителей города. Уже фундаментъ былъ выведенъ; уже все готовилось для совершенія ея — но вдругъ рука Судьбы остановила быстрые успѣхи творческихъ дѣлъ П***! .... Смерть его раскинула черной крепъ на цѣлой край этотъ — и каждой предметъ здѣсь говоритъ, кажется, вамъ о сиротствѣ своемъ .... Все уныло, все печально здѣсь — можетъ быть только въ моемъ воображеніи.

Въ то же время смотрѣлъ я и на Генералъ-Губерна-

торской домъ, то есть, К* П*** — домъ прекрасной архитектуры, на прекрасномъ мѣстѣ; но окна, карнизы, колонны, потолки — все причиняетъ грусть сердцу вашему: ничего нѣтъ цѣлаго — и въ столь коротkое время!

Мысли о ЕКАТЕРИНѢ, объ Іосифѣ, о Потемкинѣ раждали тысячу чувствованій въ душѣ моей. — „Гдѣ они?“ — спрашивалъ я вокругъ себя — и глубокая тишина была разительнѣйшимъ для меня отвѣтомъ!..

На одной сторонѣ фундамента поставлена, по размѣру, бѣлая каменная вер-

ста въ видѣ обелиска (*) — какъ это кстати! она представляетъ собою *памятникъ* ничтожности человѣческой!

(*) Такія версты отъ Новороссійска до Крыма.

XXIII.

ФИЗІОНОМІЯ.

Думаю, что ни въ какомъ мѣстѣ, ни въ какомъ случаѣ *характеръ* физіономіи не оказывается такъ хорошо, какъ въ церквѣ. Въ обществѣ различныя внутреннія движенія измѣняютъ *физіономію* такъ, что вы не успѣете замѣтить главнаго ея характера — особливо въ прекрасномъ полѣ, которой гораздо болѣе нашего — естьли не ошибаюсь — подверженъ моральному движенію . . . Живость разговора, требованія самолюбія, суетности и проч.

дѣлаютъ то, что мы съ другими, можно сказать, не похожи на себя; но въ церквѣ совсѣмъ иное.

Не давно во время обѣдни вспрѣпилось глазамъ моимъ лицо, которое тотчасъ остановило ихъ при себѣ — оно было женское . . . Ахъ! какая физіономія! . . . Глубокое, ничѣмъ не развлекаемое вниманіе къ одному предмету означало всѣ черты лица въ натуральномъ ихъ расположеніи самымъ выразительнѣйшимъ образомъ. Умиленіе нѣжнаго сердца, чувствительность прекрасной души изображались въ глазахъ ея какъ въ вѣрномъ зеркалѣ; уста ея,

казалось, хотѣли всеминутно разпвориться для какой-то небесной гармонїи — однимъ словомъ: я видѣлъ рай на лицѣ семъ, которое со всѣмъ тѣмъ не прекрасное, но котораго физїономїя лучше всякой красоты въ свѣтѣ!.. О Лафатеръ! что бы ты сказалъ о немъ!

Я смотрѣлъ на него и хотѣлъ плакать съ сладостнѣйшимъ чувствомъ сердца. Кажется, естьли бы я видѣлъ такое лицо всегда передъ собою, то никогда дурное чувство не вошло бы въ душу мою . . . Я находилъ себя въ тѣ щастливыя минуты такъ добрымъ, такъ близкимъ къ Богу, Которо-

му поклонялся вмѣстѣ съ нею!

„Для чего *въ обществѣ* никогда еще никакая физіономія не сдѣлала такого впечатлѣнія въ сердцѣ моемъ?“ думалъ я — и нашелъ (по своему мнѣнію) причину.

XXIV.

СЛѢДЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Какъ безцѣнны для воображенїя слѣды великихъ смертныхъ! какъ ненасытимо оно при созерцанїи ихъ!

Верстахъ въ 15 отъ Новороссійска на берегу Днѣпра есть небольшая земляная крѣпость, построенная ПЕТРОМЪ Великимъ во время войны Его съ Портою . . . Тутъ строгой судїя необыкновенныхъ дѣлъ человѣческихъ, правдивая *Клїо*, развернула предъ мысленнымъ взоромъ моимъ харпїю свою. Я пробѣгалъ жизнь ПЕТРОВУ отъ самой нѣжной юности

до послѣдняго Его благодѣянія отечеству; съ различными чувствами оспанавливался я при различныхъ эпохахъ, при различныхъ подвигахъ, при различныхъ обстоятельствахъ — и положеніе Героя при *Прутѣ* (*) заняло меня сильнѣйшимъ образомъ, потому болѣе, что я былъ сближенъ къ этой сценѣ . . . Тонкая, быстрая проницательность ума Екатерины (**) и нѣжная, благо-

---

(*) Рѣка въ Молдавіи. — Каждому Россіянину памятно произшествіе сіе въ Исторіи ПЕТРА Великаго.

(**) Первой.

дарная любовь ея къ супругу, спасшія милое ей отечество его, извлекли слезы изъ глазъ моихъ.

Я стоялъ на валу, которой возвышается отъ рѣки сажень на 40 по страшнымъ дикимъ утесамъ; гордый Днѣпръ шумѣлъ подъ моими ногами, ударяясь о подводные каменья и превращаясь отъ сильныхъ ударовъ въ кипящее молоко. — То, что было въ глазахъ моихъ; то, что происходило въ душѣ моей, доставляло мнѣ такія минуты, которыя бываютъ очень рѣдко!

XXV.

ОБЯЗАННОСТЬ СТИХОТВОРЦА.

„Напишите другіе стихи на голосъ: *Виняткъ меня въ народѣ*“ — сказала мнѣ одна изъ моихъ дамъ . . . Вотъ невыгода лестнаго имиила *Поэтъ*! Естьли вы хотя немного прослыли стихотворцомъ, то вамъ никакъ не возможно въ обществѣ отдѣлаться — чтобъ не сочинить того, о чемъ васъ попросятъ. Отказавъ — сдѣлаете неучтивость, или заставите сомнѣваться въ талантѣ своемъ; исполнивъ — подвергнетесь критикѣ, ко-

порой бы могли избѣжать, если-бы выражали *свои* идеи, *свои* чувства . . . Точно таково состоянïе Автора, не говоря еще о безчисленныхъ заботахъ, соединенныхъ съ нимъ! — И такъ, я *долженъ* былъ написать по крайней мѣрѣ *четыре* куплета, не требуя ни сюжета — ничего!

---

*Четыре куплета для А***.*

Сердцамъ холоднымъ сродно
На свѣтѣ все судить!
Но мы, мой другъ, свободно
Вѣкъ будемъ лишь — любить!

*

Любить взаимно, страстно,
Въ сліяніи сердецъ . . .
Ахъ! щастіе всечасно
Такой любви вѣнецъ!

*

Оставимъ прелесть славы
Для суетныхъ людей:
Мы радости, забавы
Найдемъ въ душѣ своей.

*

На что желать намъ болѣ? . .
Блаженствуя въ любви,
Мы въ лучшей, другъ мой, долѣ
Окончимъ наши дни!

Любовь, натурально, долженствовала быть предметомъ: стихи для дамы! Вручивъ ихъ, я извинялся —

сверьхъ всего — въ неправильной риѳмѣ: *любви* и *дни*. „Нѣтъ ничего!“ сказала смѣясь милая женщина: „стало не льзя было написать: *любовь* и *кровь*?“ . . Увы! богатство во всякомъ родѣ — богатство! слѣдственно . . . „Понимаю васъ.“

XXVI.

ПОСЛѢДНІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ДНѢПРЪ.

Когда опять приведетъ меня судьба моя на любезные берега твои, о Днѣпръ! . . . Черезъ семь лѣтъ увидѣлъ я тебя снова — но увижу ли впередъ? . . . Можетъ быть въ послѣдній разъ смотрю на величественныя твои волны; можетъ быть въ послѣдній разъ шумятъ онѣ для слуха моего; можетъ быть въ послѣдній разъ любуюсь твоими берегами! . . . Но сіи волны, но сіи берега не перемѣнятъ образа своего въ то время, когда и прахъ

мой истлѣетъ уже въ нѣдрахъ могилы! . . . Они не будутъ чувствовать, что нѣтъ болѣе друга ихъ! . . . Истлѣютъ и цѣлыя царства, народы, но они будутъ украшать тебя въ спокойномъ твоемъ теченіи! . . . Прости, любезной Днѣпръ! простите, цвѣтущіе милые луга и берега! . . . Я оставляю въ области твоей, о милой Днѣпръ! сокровище души моей — моего К*! . . Кати къ кроткой могилѣ его кроткія волны, и освѣжай прахъ друга моего! — — Ахъ! естьли бы и мой прахъ освѣжался нѣкогда тобою подлѣ его праха!

XXVII.

РѢДКОЕ БЕЗКОРЫСТІЕ.

Я имѣлъ пріятный случай удивляться безкорыстію въ такомъ состояніи, въ которомъ оно бываетъ рѣдкимъ феноменомъ — однимъ словомъ: безкорыстію Доктора (*). — Сей почтенный человѣкъ въ глазахъ моихъ трудился съ жаромъ нѣсколько дней надъ больною женщиною, которая страдала ужаснымъ образомъ отъ случайнаго припадка; не смотря на 50 или 60 лѣтъ своихъ, онъ съ утра

(*) К. И. Р*, живущій въ Новороссійскѣ.

до вечера не отходилъ отъ постели больной своей — вылѣчилъ, и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ принять ничего въ знакъ благодарности за благодѣяніе свое. — „Теперь я не нуженъ вамъ,“ — сказалъ онъ выздоровѣвшей, и уѣхалъ домой.

Этого не довольно: онъ былъ городовымъ Лекаремъ; теперь въ отставкѣ; но городовую больницу и каждаго больнаго въ городѣ посѣщаетъ такъ какъ и прежде, и безъ всякаго виду корысти — не только не беретъ ничего за труды свои, но еще даетъ много бѣднымъ. Никто съ нѣкотораго времени не могъ

найти возможности подарить его ни самой бездѣлкой.

Не удивляетесь ли вы ему вмѣстѣ со мною, друзья мои? не приносите ли ему изъ глубины сердца вашего чистѣйшую жертву почтенія? . . И кто можетъ видѣть и умолчать о такой рѣдкой душѣ — о такихъ благородныхъ чувствованіяхъ! . . Прости мнѣ, любезный человѣкъ, энтузіазмъ мой! Скромность твоя не хотѣла бы того, я знаю, чтобъ говорили о тебѣ — но кто можетъ, повторяю, видѣть добродѣтель и оставаться холоднымъ въ сердцѣ?

XXVIII.

ЕЩЕ ВЗГЛЯДЪ НА ПОЛТАВУ.

Что была Аркадія, по описанію Поэтовъ, въ Греціи, то или почти то Полтава въ Украйнѣ. — Нѣсколько верстъ со всѣхъ сторонъ ѣдете къ ней безконечными садами, прелестнѣйшими ландшафтами, цвѣтущими долинами. Тамъ видите съ чрезвычайнаго возвышенія у ногъ своихъ обширную равнину, съ сверкающими рѣчками, съ густыми рощицами, съ тучными спадами, съ

бѣлыми домиками (*); здѣсь надъ головою у васъ волнуются, подобно златому морю, желтые класы, шумятъ гордые дубы; вокругъ васъ поютъ соловьи . . . Въ началѣ Іюня вы находите здѣсь все то, что бываетъ только въ началѣ Августа на нашемъ Сѣверѣ.

Съ сладкимъ восторгомъ, съ упоеніемъ вы нечувствительно въѣдете въ Полтаву: это имя оживляетъ въ серд-

---

(*) Во всей Украйнѣ бѣлятъ снаружи, такъ какъ и внутри, крестьяне хаты свои. — Какая чистота, какой видъ отъ этого!

цѣ вашемъ другїя чувствованїя — вы ищете другихъ предметовъ — находите, и Полтава остается незабвенною для сердца вашего.

Такъ; кто только проѣхалъ Полтаву, тотъ всегда будетъ *вспоминать* объ ней; но кто пожилъ въ ней хотя самое короткое время, тотъ будетъ *любить* ее. То, что во всѣхъ странахъ, во всѣхъ климатахъ, во всей Природѣ есть главное, есть интереснѣйшее — люди здѣсь отмѣнно любезны. Я говорю о Полтавскихъ жителяхъ. Какое гостепрїимство, какая ласковость, какая общественность! Съ ними вы какъ съ родными, какъ съ друзьями,

какъ дома; съ ними воображаешь вы тѣ Патрїархальныя щастливыя времена,

Когда во нравахъ лишь правдивыхъ
И въ сѣдинѣ почтенныхъ лѣтъ
Величья, титлы заключались;
Когда однимъ лишь занимались:
Быть добрымъ мужемъ и отцемъ;
Считали въ трудолюбьи — славу,
Въ спокойствіи семьи — забаву,
И ближняго любовь — вѣнцемъ (*)!

(*) Посланіе ко мнѣ моего любезнаго Т***, напечатанное въ 10 Части Иппокрены.

Разставаясь съ Полтавою — какъ знать: можетъ быть и навѣкъ! — я взглянулъ съ живымъ чувствомъ нѣсколько разъ на то мѣсто, гдѣ хотѣлъ построить домикъ себѣ и жить съ милою сердцу (*).

(*) Смотри: Полтавское поле.

XXIX.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ РѢШИТЕЛЬНОСТЬ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, оставя военную службу, пріѣхалъ въ Москву — на родину свою. Ближайшіе родственники, нѣкоторое знакомство, самой городъ обѣщали ему пріятность въ новой, спокойной его жизни. Прошелъ годъ, другой — и истинное, ожидаемое удовольствіе не посѣтило еще сердце его. — „Мнѣ смертельно скучно!“ сказалъ онъ мнѣ однажды: „я намѣренъ проститься съ Москвою и навсегда. Съ первымъ шагомъ

въ ней, я потерялся въ страшномъ физическомъ и моральномъ ея пространствѣ. Все, что ни вижу здѣсь вокругъ себя, все превышаетъ силы мои — мертвитъ ихъ: холодность знакомства, равнодушіе родства, невѣрность дружбы . . . . Душа моя не можетъ сносить жестокой ошибки своей: я мечталъ о сладости, и нашелъ горесть! Прощаюсь съ Москвою!“

Зная пылкой характеръ его, я не сомнѣвался въ его рѣшительности; чувствовалъ глубоко въ сердцѣ моемъ каждое слово его и только невольнымъ вздохомъ отвѣчалъ ему.

Продавъ сто душъ своихъ въ Россіи, онъ купилъ верстахъ въ 30 отъ Полтавы небольшое имѣніе, и — оставя родину, родныхъ, знакомыхъ (всякой ли удобенъ къ этому?), поселился здѣсь. Нѣжный вкусъ и чувствительное сердце его не могли выбрать лучшаго мѣста для философскаго его жилища. Онъ любитъ чтеніе, имѣетъ изрядную библіотеку, выписываетъ новыя книги — и довольно. — „Я щастливъ столько," — писалъ онъ отсюда ко мнѣ въ Москву — „сколько желалъ быть щастливымъ."

Милый Р*! я восхищался мыслію, обнять тебя

подъ спокойнымъ кровомъ твоимъ, раздѣлить нѣкоторое время съ тобою; былъ подлѣ него и — не видалъ тебя! . . Всевластныя обстоятельства! . . они не хотѣли исполнить пламеннаго желанія моего! — — Тысячу благословеній послало тебѣ сердце мое въ вѣяніи кроткаго зефира, прохлаждающаго мирное твое жилище.

XXX.

МОНАСТЫРЬ.

Видъ монастыря всегда возбуждаетъ нѣкоторыя идеи и чувствованія: воображеніе о вѣчномъ уединеніи, о разрывѣ всѣхъ связей сердца; воспоминаніе того, что мы читали о монастыряхъ въ романахъ — все это займетъ васъ, можно сказать, невольнымъ образомъ; но монастырь въ лѣсу, въ горахъ, въ пустынѣ имѣетъ волшебное дѣйствіе на душу.

Я ходилъ здѣсь въ такомъ точно монастырѣ; онъ одинъ изъ славныхъ въ краю

этомъ (*) чудесами Святаго. — Въ самое то время, когда я съ особливымъ движеніемъ чувствъ окидывалъ взорами разительное мѣстоположеніе его — темной лѣсъ и высокія горы, раздавался протяжной звонъ часоваго колокола — раздавался по лѣсу и горамъ такимъ образомъ, что сердце мое цѣпенѣло. Пріятной ужасъ, священное благоговѣніе и тысяча неописанныхъ чувствованій волновали душу мою... Мысли о таинствахъ священнодѣйствіи Друидовъ, о страшныхъ капищахъ, о грозъ-

---

(*) Въ Украйнѣ.

ныхъ Оракулахъ, о кровавыхъ олтаряхъ, о пагубномъ суевѣрїи древнихъ и проч., овладѣли воображенїемъ моимъ; сердце мое билось сильно . . . мнѣ казалось, что я былъ перенесенъ въ оныя мрачныя, ужаснѣйшїя времена. — Потомъ другїя мысли и другїя чувствованїя заняли меня: я обратился къ обитателямъ монастыря; думалъ о жизни ихъ, объ упражненїяхъ; хотѣлъ проникнуть въ сокровенность сердецъ ихъ — видѣть въ нихъ всякое чувство, всякое движенїе; хотѣлъ знать каждаго изъ нихъ исторїю; мечталъ — не знаю по чему — что исторїя каждаго есть

цѣпь горестей; бралъ сердечное участіе въ судьбѣ ихъ и вспомнилъ этотъ стихъ изъ Заиры:

Qui ne ſait compatir aux maux
qu'on a ſoufferts?

а потомъ слова Монтаня: l'imagination eſt la folle de la maiſon — слѣдственно забавляетъ. Правда, Монтань! Но умникъ разсудокъ часто заставляетъ горько плакать своихъ домашнихъ!!

XXXI.

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ.

„Письмо отъ любезнаго намъ — говоритъ Госпожа Жанлисъ — подобно хорошему сочиненію: чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе дѣлаетъ оно впечатлѣнія — каковъ бы ни былъ слогъ его. Ежели оно длинно, то съ каждою строкою надѣемся открыть новую черту чувствительности, тонкости, нѣжности; ежели оно не связно, то *любовь* при чтеніи его находитъ всегда тайну, придать ему остроумнымъ

истолкованïемъ прелести, которыхъ недоспаетъ въ немъ.“

Дружба въ такомъ случаѣ похожа на любовь: имѣетъ общïй интересъ, общïя чувства съ нею .... Письма отъ друзей, которые составляютъ сладость жизни нашей, которые раздѣляли съ нами примѣчательнѣйшïя ея эпохи, которые далеко отъ насъ, которые вездѣ, всегда занимаются нами... можетъ быть съ меньшимъ трепетомъ сердца, съ меньшимъ волненïемъ души, нежели страстный любовникъ, распечатываю ихъ — за то, какое поле глубокихъ, но безмятежныхъ чувствованïй, сильныхъ, но спокойныхъ

идей! — „Они жалѣютъ, что я не съ ними; имъ недостаетъ меня къ полному удовольствію ихъ; они ознакомливаютъ меня заочно со всѣмъ тѣмъ, что имъ пріятно; они переселяютъ меня туда, гдѣ имъ весело; они распространяютъ существо мое!“ — Сіи проспыя мысли, простыя чувствованія дѣлаютъ меня истинно щастливымъ!

Чѣмъ болѣе разстояніе между любезными намъ, тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ письма ихъ. — Милой Б*! твое письмо изъ Рев*** обворожило меня. Описываемое тобою маленькое путешествіе твое по морю доставило сердцу моему тысячу удовольствій.

Твой *Грибсвальдъ* (*), твой сѣдой *Гогландъ* (**), твой *Шталь-Ценвальдъ* (***), твоя картина города, твой богатой купецъ, твои Историческіе поиски (****) — все это плѣняло, восхищало

(*) Имя судна.

(**) Островъ.

(***) Трактиръ.

(****) Всѣ сіи предметы описаны съ такою интереснostію, которая сдѣлала бы ихъ пріятными для всякаго Читателя — и потому прошу извиненія у моего въ томъ, что я не могъ противиться желанію упомянуть объ нихъ.

меня! — — О дружба, животворной нектарЪ сердца! да будутЪ дни мои до послѢдняго осыпаны твоими благами!

XXXII.

НОВОЙ ТИМОНЪ.

Кажется, Природа имѣетъ ограниченное количество характеровъ, которые она раздаетъ людямъ. Раскройте Исторїю, и вы увидите, что отъ времени до времени являлись тѣ же самые характеры, которые были уже на сценѣ мїра. Антонины, Маркъ-Аврелїи воскрешали Титовъ, Траяновъ; Нероны, Галїоготалы Тиберїевъ, Калигулъ; — разсмотрите всѣ нравственныя черты ихъ, и вы найдете совершенное сходство между ими.

Не раскрывая Исторіи, я нашелъ, къ горести моей, новаго *Тимона* со всѣми оттѣнками мрачнаго характера его. — Все, что извѣстно вамъ о славномъ Аѳинскомъ человѣконенавистникѣ — все это возникло въ Малороссійскомъ! . . Имѣя страшное богатство, нѣсколько огромныхъ домовъ въ одномъ мѣстѣ, онъ таится какъ сова въ ночныхъ тѣняхъ — то есть, умираетъ отъ страха, чтобъ не заѣхалъ къ нему кто нибудь. Говоря о людяхъ, онъ бранитъ ихъ со всею горечью кипящей желчи своей; бывая съ ними, онъ мучится очевидно *принужденіемъ*; не знаетъ, куда дѣ-

вать выглядывающія изъ подлобья глаза свои . . . Боже мой! какъ отвратительна физіономія его! . . и я былъ нѣсколько дней съ такимъ человѣкомъ (*)! былъ,

---

(*) Онъ пріѣзжалъ въ гости къ намъ. — Надобно знать, что онъ ѣздитъ въ гости не для извѣстнаго удовольствія, но единственно для того, чтобы пожить на счетъ вашъ нѣкоторое время со множествомъ людей и лошадей, которые дома на самой строгой діетѣ, такъ какъ онъ и самъ. Надобно также знать, что гнусная скупость его превосходитъ все то, что

и страдалъ въ душѣ сво-

могло только выдумать воображеніе Моліеровъ. — На пр. онъ всегда возитъ съ собою въ гости поваровъ, кандитеровъ и всѣхъ слугъ своихъ — Для чего? для *практики* — — дома нѣтъ имъ никакой . . . Не знаю, чему можно приписать уваженіе, съ которымъ принимаютъ его здѣсь въ то время, когда каждый говоритъ о немъ съ крайнимъ презрѣніемъ! — Анекдоты о скупости, о жестокости, о ненависти его къ роду человѣческому заставляютъ васъ ужасаться. — Со всѣмъ этѣмъ дама съ улыбкою подаетъ руку ему!

ей! — — Присутствїе его дѣлало надо мною то, чего я еще никогда не испытывалъ: онъ давилъ мысли мои; связывалъ языкъ мой; вливалъ какїя-то тягостнѣйшїя чувства въ душу мою — чувства, которыя перемѣняли лицо мое до того, что одна изъ дамъ моихъ сказала мнѣ тогда: „вы похожи на отчаяннаго!“ — и я былъ имъ въ самомъ дѣлѣ.

Вообще люди, съ которыми я бываю, имѣютъ на чувства мои сильное влїянїе; я подверженъ — кажется мнѣ — сему роду впечатлѣнїя болѣе, нежели другїе. Добрые дѣлаютъ меня добрымъ; злые — нещастнымъ: но твой

образъ, о Тимонъ! подобно *Медузѣ*, превратитъ всякой разъ въ камень сердце мое!

Смотря на новаго сего Тимона, которой — къ сожалѣнїю вашему — имѣетъ нѣкоторыя знаки почестей; зная притомъ постыдное невѣжество его во всѣхъ вещахъ на свѣтѣ, и то, что всѣ заслуги его есть — игра случая, вы читаете въ мысляхъ нѣкоторыя строфы изъ Державина *Вельможи*.

Признаться ли вамъ, что я хочу вывесть еще моего Тимона на Талїину сцену?.. Уже и планъ готовъ у меня. Думаю, онъ будетъ щастли-

вѣе Тартюфидина (*), въ которой, кромѣ всего, столько типографскихъ ошибокъ! — Какъ вредно для Автора не читать самому корректуры!

(*) Тартюфида, драматическа бездѣлка, напечатанная въ книжкѣ моей: *Цвѣты Граціи*, во время моего путешествія.

XXXIII.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Ежели въ теченіи дня сердце ваше было грустно, печально, то, вышедъ при захожденіи солнечномъ въ поле, вы пьете въ здѣшнемъ вечернемъ кроткомъ воздухѣ спасительныя струи Леты — забвеніе всего, кромѣ щастія. — Какая тишина, какой миръ льется въ душу вашу! какое благоуханіе, какая прохлада освѣжаетъ ваши чувства! Сладкой восторгъ объемлетъ сердце ваше; цвѣтущія фантазіи окружаютъ ваше воображеніе —

вы щастливы и признаетесь въ щастіи своемъ!!

Нѣтъ! на уныломъ нашемъ Сѣверѣ такихъ лѣтнихъ вечеровъ, какъ здѣсь, не бываетъ! Тамъ безконечной день истощитъ всѣ силы ваши, и минутной вечеръ не успѣетъ предложить вамъ своихъ пріятностей: здѣсь — посреди лѣта — въ семь часовъ уже вечеръ — уже время прохлады, свѣжести и щастія. — —

Одинъ, съ моими мечтами, съ моимъ сердцемъ, иду въ поле или рощу, наслаждаться вечернею Природою. — Заботы и прискорбія дня изчезаютъ мгновенно въ животворныхъ объятіяхъ ея

— подобно какъ въ объятіяхъ страстной любовницы, или нѣжнаго друга; душа моя освобождается отъ всѣхъ тяжелыхъ узъ Рока — и я благословляю участь свою.

Смотря на прекрасной разноцвѣтной Западъ — на солнце, которое въ видѣ алаго яхонтоваго шара съ величественнымъ спокойствіемъ опускается очевидно ниже — ниже, думаю о томъ времени, когда смотрѣлъ я на сіе великолѣпное зрѣлище Природы изъ оконъ Д* или Т*; множество другихъ сладкихъ воспоминаній слѣдуетъ за этѣмъ; съ благодарнымъ чувствомъ говорю *прости* милому солнцу; оглядываюсь кру-

гомъ, ищу новыхъ прелестей, и вижу въ противоположности его другой, ему подобной, шаръ — блѣдную луну, которая по мѣрѣ, какъ опускается и тускнетъ затмѣвающее ее свѣтило, возвышается и получаетъ сіяніе... Такъ щастіе одного смертнаго зиждется на бѣдствіи другаго! такъ меркнетъ одинъ и уступаетъ блескъ другому!

Люди! вотъ образъ судьбы вашей!

XXXIV.

ОТТѢНОКЪ ШВЕЙЦАРІИ (*).

Имѣя нѣкоторую живость воображенїя, чувствительность сердца, можно ли не знать Швейцарїи и не бывъ въ ней — не знать прекраснѣйшей въ мїрѣ природы ея? Кто не читалъ Новой Элоизы,

---

(*) Въ этой части, собственно называемой *Малороссїя*, по старому имени *Литвою*, вообще прекрасныя мѣста. — Здѣсь первое жилище наше; мы спѣшили возвратиться сюда и теперь наслаждаемся ими.

писемъ Рускаго Путешественника? кто не затвердилъ въ памяти и сердцѣ своемъ всего того, что списано въ нихъ? ... Я читалъ — помню и часто дѣлаю *сравненія* по одному воображенію.

Представьте себѣ высокую, длинную, лѣсомъ одѣтую гору, которая кажется вамъ стѣною; у самой подошвы ея, омываемой рѣчкою, деревеньку съ господскимъ домикомъ и другими строеніями — не маленькая ли это *Юра*? не маленькая ли *Кларанъ*? — Подойдя къ горѣ, вы видите множество между густыми деревами узенькихъ, ведущихъ на нее,

дорожекъ; избираете одну — идете по ней — выходите на довольно широкую ровную дорогу, которою нечувствительно поднимаетесь подъ темными сводами деревъ — и вдругъ увидите себя на открытомъ мѣстѣ, на чрезвычайной вышинѣ. — Прелестнѣйшія сцены поражаютъ взоры ваши: необозримая долина, мелькающія озера, множество рощей — одна другой лучше — множество деревень — одна другой красивѣе — нѣсколько алѣющихъ крышекъ, нѣсколько бѣлѣющихъ церквей — — не оптёнокъ ли это долинъ Швейцарскихъ, съ Леманомъ, съ Цирихомъ, съ Берномъ, съ

Гриндельвальдомъ, съ Лозаною? . . По крайней мѣрѣ воображенїе и сердце съ удовольствїемъ находятъ сходство сїе! —

Хозяинъ здѣшняго Кларана и Юры (*) достоинъ своего владѣнїя: онъ имѣетъ нѣжное сердце, любитъ Природу и искусства (**), наслаждается ими и не завидуетъ миллїонщикамъ. — Милая женщина раздѣляетъ съ нимъ щастїе его жизни; — вы видите въ нихъ *Юлїю*,

---

(*) П* И* М***.

(**) Онъ знаетъ совершенно музыку и играетъ превосходно на скрыпкѣ.

Сен-Прё, и, тронутые въ душѣ своей, благословляете судьбу ихъ.

Гуляя съ хозяиномъ и другими его гостями по здѣшнимъ Альпійскимъ горамъ, я вспомнилъ нѣсколько разъ съ живѣйшимъ чувствомъ о нашихъ Воробьевыхъ, на которыхъ гуливали мы съ любезнымъ Д*, съ любезнымъ Т*!

Возвратясь съ прогулки, мы были и подчиваны по Швейцарски: молоко, сыръ, масло утолили жажду и аппетитъ нашъ, возбужденный моціономъ.

Друзья мои! ежели вы желаете щастія вашему другу, то не желайте ему ни

богатства, ни почестей, ни славы — желайте только такого уголка, которой бы напоминалъ ему щастливую Гельвецiю, и такой подруги, которая бы оживляла въ душѣ его образъ Руссовой Элоизы!

XXXV.

НОВОЕ СРАВНЕНІЕ.

Не припишите энтузіазму моему, ежели я дѣлаю такія сравненія, которыя могутъ показаться увеличенными. Будучи на моемъ мѣстѣ, вы бы сами смотрѣли на предметы мои точно такимъ же образомъ, какъ и я. — Вотъ еще сравненіе.

Оборотите нѣсколько страницъ назадъ, и вы найдете *Любимца фортуны.* — Верстахъ въ 12 отъ теперешняго нашего жилища, и въ шести или семи отъ

Уѣзднаго города (*), есть у него другая деревня, съ старымъ большимъ домомъ, съ старымъ регулярнымъ садомъ, къ которому примыкаетъ дикая обширная роща. Вообще прекрасное ея мѣстоположенїе, живописныя вокругъ виды, которыми любуетесь вы изъ оконъ дома, изъ проспектовъ алей, изъ тѣней павильйоновъ; прибавьте къ этому очаровательность духовой музыки, которая сливаетъ сладкїе тоны свои съ тихимъ шумомъ деревъ; другую инструментальную, которая гремитъ въ пространствѣ залы. — — „Это

(*) Стародуба.

Кускове!“ сказали бы и вы вмѣстѣ со мною — сказали бы по какому-то еще тайному сходству, котораго описать не умѣю, но которое, подобно мнѣ, нашли бы и вы безъ сомнѣнія. Какая-то особливая физіономія — естьли можно слово это употребить въ такомъ мѣстѣ — *Пантусова* (*) напоминаетъ вамъ всеминутно *Кускова.*

Мы угощались и тутъ любезнымъ хозяиномъ самымъ пріятнѣйшимъ, самымъ обязательнѣйшимъ образомъ. — — Естьли бы позволено было сдѣлать параллель и между

(*) Имя деревни.

Господиномъ Кускова и Господиномъ Пантусова, то . . . прочтите *Любимца фортуны!*

XXXVI.

СЕЛЬСКОЙ ПРАЗДНИКЪ.

Для друга человѣчества и Природы есть неизъяснимое удовольствїе въ чистомъ веселїи чистосердечныхъ поселянъ; простое пиршество ихъ кажется ему величественнѣйшимъ торжествомъ добродѣтели и щастїя, неразлучнаго съ нею; онъ самого себя находитъ добрѣе и щастливѣе, дыша, такъ сказать, вмѣстѣ съ ними невинными радостями ихъ.

Все это узналъ я собственнымъ опытомъ. — Здѣсь сохраняется древнее обыкновенїе праздновать оконча-

нïе жатвы — остатокъ временъ языческаго богослуженïя (*). — Я былъ приглашенъ однимъ изъ здѣшнихъ Помѣщиковъ, съ другими его прïятелями, на это празднество, и обязанъ ему — кромѣ милой дружбы его, которая не входитъ въ обыкновенныя одолженïя — прïятнѣйшимъ удовольствïемъ сердца.

Ввечеру, по захожденïи солнца, на зеленомъ лугу и маленькихъ островкахъ свѣтлой рѣчки, подлѣ сосновой

(*) *Кулало* у Славянъ былъ то, что Церера у Грековъ. Ему приносили первые дары земледѣлïя.

роши и во внутренности ея запылали смоленыя бочки, поставленныя высоко на деревахъ; нетерпѣливые поселяне потекли со всѣхъ сторонъ на мѣсто веселія; сельскіе *Дицы* ударили въ смычки свои; — тамъ раздались нѣжныя свирѣли — здѣсь громкія пѣсни; молодыя крестьянки и крестьяне составили рѣзвыя пляски; пожилые сѣли за столы, на которыхъ изъ большихъ сосудовъ благоухалъ нектаръ и амброзія ихъ — горѣлка и свѣжій хлѣбъ; — иные бросились на качели, поставленныя въ рощѣ; прочіе разсѣялись по рощѣ и лугу; — мы ходили вездѣ и веселились съ

щастливыми поселянами. Доброй ихъ Помѣщикъ радовался искренно щастію ихъ, и раздѣлялъ его съ ними въ чувствительномъ своемъ сердцѣ (*).

Все, что Виргилїи, Гесперы, Флоріяны, Делилли воспѣли на безсмертныхъ свирѣляхъ своихъ, оживилось въ памяти — въ душѣ моей . . . Ахъ! какъ они долженствовали быть щастливы въ минуты своихъ вдо-

---

(*) и* п* ч***. Онъ не женатъ и живетъ вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ, также не женатымъ и также любезнымъ человѣкомъ, достойнымъ дружбы его.

хновеній! какъ добры должны быть сердца ихъ! —

Qui fait aimer les champs, fait aimer la vertu.

Делилль.

Люблю поля, люблю и добродѣтель — люблю и тебя, Делилль!!

Сутки прожилъ я съ любезнымъ обществомъ друзей милаго Ч*** — и всегда съ новымъ удовольствіемъ буду вспоминать о семъ времени.

XXXVII.

ФОРТЕПІЯНО.

Въ тихія, нѣжныя минуты вечера, въ уединенной комнатѣ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, томные звуки форпепіяно, производимые женщиною — въ слезахъ... ничего не знаю трогательнѣе этого!.. Ахъ! какія магическія чувства овладѣютъ душею и сердцемъ вашимъ! Образъ щастія и горести, надежды и отчаянія въ сліянныхъ чертахъ предстанетъ вашему воображенію. Напрасно будете стараться отдѣлить одно отъ другаго: нѣтъ возможности! Союзъ улыбки и

слезы — доля человѣческая! — въ сіи минуты болѣе, нежели когда нибудь, покажется вамъ неразрывнымъ..... Ежели вы любили; ежели узнали сію главную, необходимую бурю жизни, то вы еще чувствительнѣе — то вы еще болѣе находите себя въ очарованіи..... О сердце! о любовь! благо ли вы, или мука?.... Кто можетъ сказать *да* или *нѣтъ* — сказать и не ошибиться! ... Гдѣ же блаженство наше? не уже ли *блаженство* пустое слово? ... Ахъ, нѣтъ!... сердце и любовь.... но роза *не могла* быть безъ терній! — — Вздыхаю и простираю руки къ блаженству; лью слезы и объемлю его!...

Одной изъ дамъ моихъ обязанъ я сладостью тепереш-нихъ моихъ чувствъ и мы-слей. Ея фортепіяно и сле-зы — слезы женщины за фор-тепіяномъ — вообразите еще разъ! — имѣли несказанную прелесть для души и сердца моего .... Ахъ! можетъ быть собственная душа и сердце ея въ сіи минуты были ща-стливѣе, нежели въ другія!

XXXVIII.

ОСТРОВЪ ЛЮБВИ.

. . . . On ſait que de l' Amour
Les îles en tout temps ſont le plus
cher ſéjour.
Delille.

Не нужно сказывать, гдѣ именно и у кого, скажу только, что здѣсь и у любезнаго человѣка въ прекрасномъ селѣ его есть Островъ Любви. Я былъ на немъ — и не одинъ. — „Съ хозяиномъ?“ — Нѣтъ: съ прелестной Нимфой, которая служила мнѣ проводникомъ на *островъ любви* тогда, когда любовь была въ сердцѣ моемъ!.. Онъ окруженъ другими маленькими островками,

которые образуютъ Дедаловъ Лабиринтъ. Долго переходили мы черезъ мостики изъ одного на другой и — вдругъ очутились во святилищѣ его: это роскошной павильйонъ изъ густыхъ, тѣнистыхъ, непроницаемыхъ деревъ въ самой срединѣ острова, гдѣ все дышетъ любовью, щастьемъ и надеждою . . . Сердце мое взволновалось; мысли обворожились, разсѣялись въ тысячѣ сладостнѣйшихъ мечтаній . . . „Не прекрасное ли это убѣжище любви?“ спросила у меня милая Аріядна моя съ нѣжнымъ, томнымъ взглядомъ. — Я не могъ ничего отвѣчать ей; устремилъ на нее взоры мои; невольные

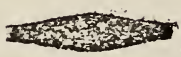
вздохи летѣли изъ груди моей; — торжествующій Купидонъ сыпалъ стрѣлы на сердце мое .... мы были на *островѣ любви* — имя его не было пщетнымъ для насъ — и онъ не будетъ забвенъ вовѣки въ сердцѣ моемъ.... Ахъ, Делилль! и я узналъ, что

de l'Amour
Les îles en tout temps sont le plus
cher séjour!

узналъ — и люблю тебя еще болѣе!!

Царямъ и Вельможамъ не завидую: завидую только блаженству — обладать всегда милою и такимъ островомъ, на которомъ былъ я

нѣсколько минутъ съ милою! — — для чего не дней — не мѣсяцовъ — не вѣкъ!!!



XXXIX.

ЧТЕНІЕ.

Въ деревнѣ, въ щастливой тишинѣ ея, всякое удовольствіе живѣе. — Сидя (оксло вечера) у открытаго окна, подъ яснымъ небомъ, передъ зелеными деревами сада, читаю съ такимъ удовольствіемъ, котораго въ шумномъ городѣ заманить въ сердце почти никакъ не возможно. Свѣжесть чувствъ и мыслей моихъ подобна свѣжести ничѣмъ не зараженнаго воздуха; нѣсколько разъ повторяю одну фразу, одно слово — чтобъ не вдругъ выпить божественный нектаръ, но по-немногу,

но прихлебывая . . . . охъ! сластолюбїе ума во сто разъ тонѣе всякаго сластолюбїя на свѣтѣ! . . . . Это истинная роскошь Эпикурова; это истинное блаженство смертнаго! . . . Умъ, талантъ, книги! что можетъ сравняться съ вами!.. Безъ васъ все недостаточно, все грубо, мертво; а съ вами — съ вами въ тишинѣ сельской, въ прохладѣ тѣней, подлѣ милой, которая умѣетъ цѣнить, чувствовать васъ... укажите мнѣ лучшее наслажденїе!

Однажды въ кругу любезныхъ дамъ моихъ читалъ я Вѣстника Европы, которому въ особенности жители

провинцій столько обязаны пріятнѣйшимъ удовольствіемъ! Особливое вниманіе чувствительныхъ моихъ Слушательницъ къ исторіи *Рыцаря нашего времени* (*) было прервано — игрою случая: въ самое то время, когда я читалъ въ ней слѣдующее: „такъ вѣрный подсолнечникъ не перестаетъ никогда обращаться къ солнцу и проч.“ — подсолнечникъ лежалъ на столикѣ передъ нами; вдругъ по невольному движенію мы всѣ взглянули на него — потомъ другъ на друга — взглянули и засмѣялись. — „Какъ

(*) Книжка пятнадцатая.

онъ зашелъ туда?“ — По милости пресыщенїя... милыхъ дамъ моихъ: всякой день вишни, персики, абрикосы и проч., то есть, всякой день одно да одно — надоѣстъ конечно... надобно было что нибудь новое, другое — и подсолнечникъ на столикѣ... Какой при томъ былъ случай для любезныхъ непостоянницъ хвалиться щастливымъ своимъ *инстинктомъ*!.. Теперь подсолнечникъ не выходитъ изъ рукъ ихъ, а по возвращенїи въ Столицу безъ сомнѣнїя цвѣтокъ этотъ будетъ у нихъ и на печатяхъ; теперь — признаться ли? — и я поглядываю на него съ особливыми чувствами; думаю

о Леонѣ, о сравненіи чувствительнаго сердца съ подсолнечникомъ и о своей печати, на которой къ щастію еще ничего не вырѣзано, и которая, кажется, ожидала этой милой эмблемы.

XL.

ЛЮБОПЫТСТВО.

Ежели любопытству — сей щастливой склонности разума — обязаны мы важнѣйшими вещами, всѣми знаніями, всѣми пріобрѣтеніями — всѣмъ наконецъ, чѣмъ ни пользуемся вокругъ себя, то любопытству же одолжены многими прискорбіями въ жизни нашей. Одно и другое безъ разбору называютъ *любопытствомъ* — но какъ различны характеры ихъ! Одно влечетъ насъ ко всему изящному, ко всему великому; другое къ мѣлочамъ, къ присма-

триванїю за поступками вашими и проч. Несносной порокъ въ общежитїи, отравляющїй прїятности его — и по тому болѣе, что онъ принадлежитъ . . . прекрасному полу, составляющему душу общества! . . Ахъ! простите мнѣ въ жестокой истинѣ моей! . . я былъ жертвою его за самую бездѣлку, въ самомъ невинномъ обстоятельствѣ и самымъ чувствительнымъ образомъ; сердце мое еще страдаетъ; рана его такъ свѣжа еще! .. Нещастные стихи — вѣчное бѣдствїе стихотворца! — возбудили нещастное любопытство одной изъ дамъ нашего общества; слѣдствїе его было

для сердца моего мукою: надлежало изъясняться въ жару оскорбленія — съ женщиною! причинить ей множество неудовольствій отъ того, что не умѣлъ скрыть, не умѣлъ не почувствовать моего; выперпѣть разные, не самые лестные эпитеты за то, что я не очень заслужилъ ихъ — — какое положеніе!..

О женщины, женщины! самой томной Селадонъ на моемъ мѣстѣ давно бы... ищу выраженія сколько можно нѣжнаго для идеи моей... разлюбилъ васъ; но я, не смотря на безчисленность живѣйшихъ горестей, причиненныхъ вами сердцу моему,

не смотря на тайные обѣты самому себѣ, не любить васъ — я все такъ люблю, такъ почитаю васъ, все такъ привязанъ къ вамъ! . . какъ быть!

Tel par ſa pente naturelle,
Par une erreur toujours nouvelle,
Quoiqu'il ſemble changer ſon cours,
Autour de la flamme infidelle
Le papillon revient toujours.

XLI.

ЕКАТЕРИНИНЪ-ДАРЪ.

Великой, незабвенной, обожаемой Монархини одному изъ тѣхъ щасливыхъ смертныхъ, которые изумили судьбу свою обращенїемъ особливаго ея взора на себя (*) — село, достойное своего имени; даръ, достойный руки своей! Оно служитъ славою и украшенїемъ своего Края (**).

Подъѣзжая къ нему, видите такое мѣстоположенїе, которое *скрываетъ* что-то отъ нетерпѣливыхъ глазъ

(*) Г* П* В* З***.

(**) Малороссійской Губерніи.

вашихъ; обѣщаетъ вамъ многое и зоветъ васъ, такъ сказать, во святилище свое; — потомъ видите прекрасно выстроенное село и великолѣпную церковь Греческой и Римской архитектуры вмѣстѣ; наконецъ огромныя палаты, которыхъ флигели, выходя изъ корпуса дома наровнѣ со вторымъ этажемъ его, представляютъ вамъ отверстыя объятія — можетъ быть символическое выраженіе гостепріимства хозяина — не знаю. — Внутренность дома соотвѣтствуетъ красотѣ наружности. Въ главной гостиной въ главномъ мѣстѣ виситъ во весь ростъ портретъ — божества мѣста

сего, божества души и сердца хозяина — портретъ ЕКАТЕРИНЫ II. Мраморные бюсты, статуи; превосходныя картины, зеркала украшаютъ всѣ комнаты; для нѣкоторыхъ приготовлены драгоцѣнныя Французскія *готалисы*. — Я жалѣлъ, что картины, которыхъ очень много, не въ одной особливой галлереѣ. Въ кабинетѣ хозяина есть одна достойнѣйшая примѣчанія: магическая кисть художника изобразила спящую Венеру безъ всякаго покрывала, кромѣ собственной руки ея, на которую самой стрѣлой Мизогинъ тихонько подосадуетъ, по тому, что она служитъ самымъ строгимъ покрыва-

ломъ.... Какія прелести!.. все въ ней — Венера, какъ говоритъ дю Пати о Медицейской; но что всего лучше, то она не Рубенсова, не Корреджіева, а собственнаго Апеллеса — слѣдственно уподобленіе Медицейской Венерѣ простительно. — Можно мимоходомъ сказать, что наша Малороссія — другая Италія: живописцы, пѣвцы и музыканты здѣсь образуются Природою. — Въ этомъ же кабинетѣ и портретъ хозяйки, которуюбъ я также принялъ за Венеру, естьлибъ не предупредили меня.

Теперь желалъ бы я быть самъ Апеллесомъ — чтобъ чудотворною кистію напи-

сать вамъ здѣшній истинно Англійской садъ. — Вамъ указываютъ его, и вы смотрите на дремучій лѣсъ; входите въ него, и понимаете ошибку свою. Прежде всего встрѣчается глазамъ вашимъ бѣлой величественной павильйонъ, осѣненный съ трехъ сторонъ высокими густыми деревьями; приближаетесь къ нему, и видите въ центрѣ колоннады его Задунайскаго Ахиллеса — бронзовую во весь ростъ статую на дикомъ мраморномъ пьедесталѣ. Я снялъ шляпу передъ Героемъ; осматривалъ его почти съ благоговѣніемъ и читалъ въ мысляхъ стихи нашего Ла-

Фонтена къ сей самой статуѣ:

Почтенный ликъ! когдабъ ты
былъ сооруженъ
Съ перуномъ пламеннымъ на берегахъ Кагула,
Гдѣ гордый Музульманъ растерзанъ, низложенъ,
И гдѣ земля въ крови нещастныхъ
жертвъ тонула;
Тогда бы, на тебя взирая, каждый рекъ:
„Румянцовъ славный вождь!“ —
и мимо бы протекъ.
Но здѣсь, здѣсь всякъ тебя
прохожій лобызаетъ:
Здѣсь не Герой въ тебѣ блистаетъ,

Прославившій себя единою войной,
Обрызганъ кровію враговъ среди сраженій;
Но другъ, но ближній мой
И благотворный Геній (*)!

Онъ изображенъ, по обыкновенію, въ Римской одеждѣ, съ открытою головою; шлемъ его повѣшенъ на сучкѣ пня, на которомъ Герой присѣлъ не много, чтобъ отдохнуть послѣ безсмертнаго труда своего; въ одной рукѣ у него Фельдмаршальской жезлъ свой, которымъ касается онъ къ щиту герба своего, у лѣвой ноги стоя-

---

(*) См. И мои бездѣлки.

щему, и имѣющему сей Латинской девизъ: non solum armis (не только оружіемъ) — девизъ не самой скромной; но Алькидамъ ли уважать скромностію? — На базѣ статуи изображены побѣды его — Кагулъ съ страшною непріятельскою батареею и проч.

Благодарность воздвигла монументъ сей! — Сказываютъ, что хозяинъ никогда съ покрытою головою не подходитъ къ нему.

Благодарность, святая благодарность! ты трогательнѣе, любезнѣе самаго благотворенія! ты служишь опытомъ изящнаго сердца! —

Потомъ идете березовымъ проспектомъ, изъ котораго выходите на меланхолическія узенькія извучистыя дорожки; задумываетесь; желаете милаго сердцу вашему поварищемъ себѣ . . . Признаюсь, что, гуляя по симъ дорожкамъ, я безпрестанно вспоминалъ о тѣхъ двухъ картинахъ, которыя въ кабинетѣ хозяина, и о которыхъ я говорилъ вамъ: онѣ представлялись мыслямъ моимъ въ соединенномъ образѣ . . . Тамъ находите купальню, которая приведетъ на мысль вамъ купальни Аспазіи, Альцибіядовъ; здѣсь храмъ покоя съ Греческою надписью; тамъ дикую пустыню, въ ней полу-

развалившуюся хижину, въ которой жилъ нѣкогда — деревянной анахоретъ; немного подалѣе отъ нее уединенный храмъ его; здѣсь звѣринецъ съ быстрыми оленями; тамъ залу безпечности (ſans-ſouci). Сидя на галлереѣ ея, можно забавляться травлею дикихъ зайцовъ, которыхъ въ саду очень много, и которыхъ выгоняютъ на площадку къ самой галлереѣ; или прекраснымъ отдаленнымъ видомъ, ибо мѣстоположенїе ея по полугорѣ выше деревьевъ, передъ нею шумящихъ; здѣсь прелестной зеленой лужечикъ — по немъ извивающуюся свѣтлую рѣчку — на ней плавающихъ гордыхъ лебедей; на-

конецъ множество оранжерей съ лучшими деревьями, съ златыми плодами и проч. и проч. Каменная стѣна обносится кругомъ всего сада — страшнаго пространства; но вотъ замѣчательная черта въ одномъ мѣстѣ, гдѣ идетъ стѣна сія, стоялъ древній развѣсистый дубъ; ему приходилось остаться внѣ сада: хозяинъ велѣлъ обнесть его стѣною — и дубъ, стоя въ трїугольникѣ, говоритъ, кажется, прохожему: „я покоюсь въ уваженїе лѣтъ моихъ по великодушїю моего владѣтеля.“

Мы были здѣсь всѣмъ своимъ обществомъ и прожили нѣсколько дней. Когда съ-

ли въ первой разъ обѣдать, то раздалась вдругъ музыка въ круглой великолѣпной залѣ подлѣ столовой. — Блестящій столъ, огромная музыка, златые черпоги и мысль, что угощаемся безъ хозяина (*) — все это такъ было похоже на очарованіе, на Феино жилище, на волшебной замокъ — все это такъ плѣняло рыцарское воображеніе мое и вкусъ къ чудесамъ романовъ! . . Послѣ симфоніи заиграли съ хорами пѣвчихъ извѣстный Польской: *Славься симъ, Екатерина*; слезы засверкали въ глазахъ у

(*) Которой очень рѣдко живетъ здѣсь.

нѣкоторыхъ изъ дамъ моихъ... Ахъ! имя ЕКАТЕРИНЫ, столь драгоцѣнное вездѣ и всякому, могло ли не трогать здѣсь и облагодѣтельствованныхъ Ею! . . Я также тронутъ былъ до глубины души моей, и самымъ сладостнѣйшимъ образомъ. — Мѣсто хозяина заступалъ родной братъ его. Я жалѣлъ, для чего онъ не настоящій хозяинъ подобнаго Екатерининъ-дара, будучи *настоящимъ* человѣкомъ! . . Какая душа, какой характеръ! Діогенъ погасилъ бы передъ нимъ фонарь свой — клянусь вамъ въ этомъ — или по крайней мѣрѣ, друзья мои, вы вмѣстѣ со мною не

пошли бы искать другаго, лучшаго человѣка. —

Когда вы смотрите здѣсь на безъискуственную богатую Природу и на великолѣпный городской домъ, то воображаете его гостемъ, иностранцемъ, которой забрелъ сюда изъ Петербургской Милліонной . . . Такой контрастъ разрушаетъ, кажется, связь идей о сельскихъ пріятностяхъ.

Признаюсь искренно, что Екатерининъ-даръ требуетъ лучшей кисти, нежели моя — но я сдѣлалъ *эскизъ* его, и для меня довольно.

XLII.

РАЗСТАВАНІЕ.

Екатерининъ - даръ былъ сценою разставанія моего съ любезнымъ моимъ обществомъ. Петербургъ и Москва разлучили насъ; въ послѣдней милые сердцу моему, и я спѣшу кинуться въ ихъ объятія. — Вы угадываете, друзья мои, что я не могъ равнодушно оставить людей, съ которыми препроводилъ я болѣе полугода — и не ошибаетесь . . . Ахъ! сердце мое такъ скоро привязывается! къ тому же я такой animal d'habitude! . . но сказать ли вамъ, друзья мои, что я не рѣдко

жалѣю, для чего я не *во всемъ* animal; для чего нахожу себя иногда съ такими тонкими, съ такими эфирными нервами въ то время, когда другїе люди съ такими щасплливыми! . . .

Я захотѣлъ еще побывать на очаровательномъ Калипсиномъ островѣ, въ Циперѣ, въ Паѳосѣ, въ Аѳинахъ — однимъ словомъ . . . въ *Будѣ*, и могу еще нѣчто сказать вамъ объ ней.

Она была на этотъ разъ во всемъ сїянїи своемъ, во всей славѣ, во всѣхъ чудесахъ своихъ; въ ней угощался Малороссїйской Генералъ-Губернаторъ, К* А* Б* К***. Вѣроятно ли покажется вамъ,

естьли скажу, что удивленїе его отъ всего того, что онъ нашелъ въ Будѣ, было безмѣрно? Доказательствомъ удовольствїя его служитъ то, что, располагаясь проводить однѣ сутки въ ней, онъ прожилъ шесть. — Я опишу только главныя черты сего случая.

Ввечеру за нѣсколько минутъ до пріѣзда ожидаемаго Гостя, двѣ большїя галлереи наполнились дворянами, которыхъ въ короткое время онъ такъ привлекъ, такъ привязалъ къ себѣ своею любезностїю (*). Версты четыре

(*) Мѣсяца три только, какъ прибылъ онъ къ должности своей.

ѣхалъ онъ огненнымъ проспектомъ пылающихъ смоляныхъ бочекъ; дворъ и домъ были также въ пламени. По пріѣздѣ и послѣ чаю поведенъ былъ въ театръ. Оркестръ молчалъ; зашумѣлъ занавѣсъ; главная актриса явилась на сценѣ, и пріятнымъ, трогательнымъ голосомъ сказала рѣчь къ почтенному Гостю; занавѣсъ опустился, музыка загремѣла; занавѣсъ поднялся снова, и Опера, *Школа Ревнивыхъ*, очаровала слухъ и зрѣніе. За нею слѣдовалъ балетъ *Венера* и *Адонисъ*. Въ послѣдней сценѣ его, Купидонъ силою всемогущей стрѣлы своей превращаетъ дикій лѣсъ въ великолѣпный

храмъ, съ огненною на фронтонѣ надписью: *добродѣтели и чести*; во внутренности его возвышался жертвенникъ съ пылающими сердцами передъ вензловымъ именемъ Гостя; позади его была транспарантная картина, которая изображала парящую Славу, и имѣющую, по обыкновенію, въ одной рукѣ трубу, а въ другой свитокъ съ его же вензелемъ и богиню правосудія съ вѣсами и съ ландкартою Малороссіи; внизу группу Геніевъ, держащихъ свитокъ съ сими словами: *каждому отдаетъ свое*; напослѣдокъ ряды въ лазуревомъ огнѣ пылающей колоннады храма; множество народа, окру-

жающаго жертвенникъ, Граціи и Амуры, живописная фантастическая кадриль, которая служила финаломъ спектаклю — все это, можно сказать во всей силѣ слова, *поразило* зрителей, которыхъ на этотъ разъ въ сельскомъ театрѣ было болѣе, нежели какъ бываетъ или бывало иногда въ Московскомъ (*). Главной Зритель хвалилъ все даже съ энтузіазмомъ. „Это волшебство!“ — сказалъ онъ нѣсколько разъ.

По окончаніи спектакля вошли въ танцовальную галлерею; тутъ загремѣлъ хоръ

(*) Разумѣется господъ.

Нимфъ, аккомпанируемый оркестромъ.

Хоръ.

Громы радостны мѣшайтесь
Съ чувствомъ радости живой;
Въ душу, въ сердце проливайтесь
Быстрой, пламенной рѣкой!

*

Не Аѳинскихъ блескъ, сіянье
Пиршествъ взоры здѣсь слѣпитъ;
Лишь усердное желанье
Угостишь тебя горитъ.

*

Гость дражайшій, вожделѣнный!
Ѳиміамъ отъ чувствъ простой,
Сердцемъ искреннимъ возженный,
Здѣсь курится предъ тобой.

*

Сельски скромныя забавы
Городскихъ не замѣнятъ:
Тамъ блестящей ищутъ славы,
Тамъ похвалъ, вѣнцовъ хотятъ;

*

Здѣсь одной улыбкой, взоромъ
Награждаются сердца. —
Музы! пойте щастье хоромъ
Безъ похвалъ и безъ вѣнца.

*

Громы радостны мѣшайтесь
Съ чувствомъ радости живой;
Въ душу, въ сердце проливайтесь
Быстрой, пламенной рѣкой!

Потомъ тотъ самый Купидонъ, которой въ балетѣ сдѣлалъ чудесное превращенїе — осьми или девятилѣтняя прекрасная съ щастливымъ

органомъ дѣвушка, подошедъ къ Гостю, сказала благодарную рѣчь за то удовольствїе, которое изъявилъ онъ въ спектаклѣ, и въ заключенїе просила о позволенїи вручить ему *нѣкоторую жертву сердца* — стихи (вашего покорнаго Поэта) *на случай его посѣщенїя Буды*:

Питомцуль Музъ съ покойнымъ взглядомъ,
Съ покойнымъ сердцемъ и душой,
Смотрѣть — внимать, съ другими рядомъ,
Средь дѣйствій радости живой?
Внимаю, вижу — и рѣкою
Жаръ Феба льется въ грудь мою;

Беру забытую лиру, — строю (*),
И въ восхищеніи пою.

*

Вельможа! властью не гордяся,
Сердцами хочешь ты владѣть;
И къ пользамъ общества стремяся,
Любовь наградою имѣть . . .
Любовь, награда несравненна! . .
Она милѣе олпарей,
Которыхъ гордость упоенна
Желаетъ пышности своей!

*

И такъ, любовь — сей даръ безцѣнный
Для смертнаго въ его судьбѣ! —
Душею, сердцемъ въ даръ непилѣнный,
О Князь! приносится тебѣ!

(*) Авторъ давно не писалъ стиховъ.

Она вездѣ тебя встрѣчаетъ;
Вездѣ вѣнки тебѣ плететъ;
Твоей улыбкой возникаетъ,
Твоими взорами цвѣтетъ.

*

Такъ солнечны лучи весною,
Пролившися на влажный лугъ,
Очамъ пріятной пестротою
Покроютъ ярку зелень вдругъ:
Лилеи, розы ароматны
Явятся въ прелести своей . . .
Лучи златые, благодатны!
Изящныхъ вы символъ людей!

*

Уже сей Край (*) надежно льстится,
Что за Авророй алой въ слѣдъ
День свѣтлый щастія явится,
И въ славный путь свой потечетъ

(*) Малороссія, которая была управляема Графомъ Румянцо-

Безъ тѣней, долго затмѣвавшихъ
Унылый горизонтъ его. —
Ты славу съ щастіемъ дремавшихъ,
О Князь! возставишь для него.

*

Что внемлю — вижу? .. восхищенье,
Громъ радости страны сея;
Повсюду пламенное рвенье
Принять и угостить тебя.

вымъ, и послѣ до сего времени не имѣла подобнаго Начальника.

Тамъ звукомъ сладостнымъ, пріятнымъ
Къ тебѣ *Эвтерпа* говоритъ —
Языкомъ, сердцу столь понятнымъ:
„Здѣсь щастье нынѣ духъ живитъ (*)!“

*

Тамъ *Флора* по садамъ прекраснымъ (*)
Тебя съ улыбкою ведетъ,
И нѣжной Нимфы съ видомъ страстнымъ
Тебѣ букеты подаетъ; —
Въ златомъ вѣнцѣ *Помона* съ нею
Дары свои несетъ тебѣ;
Съ подругой вѣрною своею
Благодаритъ своей судьбѣ.

(*) Онъ угощался Помѣщикомъ *Чемира* и *Пантусова*. Вспомните музыку его.

(**) Въ Екатерининъ-дарѣ.

Здѣсь *Талїи и Терпсихоры*
Себѣ твоимъ вниманьемъ льстятъ;
И сельскихъ Нимфъ простые хоры
Весельемъ искреннимъ гремятъ. —
Твой взоръ, улыбка имъ безцѣнны;
Она имъ слава и вѣнецъ . . . .
Сей случай, время незабвенны
Здѣсь будутъ вѣчно для сердецъ!

За этѣмъ слѣдовали Польскїя; потомъ выходили на сцену Терпсихорины Нимфы и очаровывали взоры разнаго рода танцами; потомъ прелестныя *Цыганки* восхищали своими; напослѣдокъ составлялись контр-данцы, ко-

торые оканчивались вмѣстѣ съ бѣлымъ свѣтомъ — и всѣ шесть дней препровождены такимъ образомъ — и всѣ шесть дней гостей почти не уменьшалось — и всѣ шесть дней до ста человѣкъ жили безъ выѣзда и спокойно помѣщались въ *одномъ* домѣ... Да здравствуетъ Буда! ... Почтенный Гость нѣсколько разъ изъяснялся въ удовольствіи и удивленіи своемъ: „какъ можно здѣсь, въ такомъ мѣстѣ привесть все въ такое состояніе!“ говорилъ онъ то къ одному, то къ другому. — Съ нимъ былъ и сынъ его, любезной молодой человѣкъ, которой съ своей стороны доставилъ

обществу пріятное удовольствіе своимъ талантомъ: однимъ вечеромъ, до бала, онъ составилъ квинтетъ (*) и игралъ масперски на первой скрыпкѣ.

Между тѣмъ Амуръ не оставался безъ дѣла — и можно ли Амуру не рѣзвиться тамъ, гдѣ Граціи? — Стрѣлки его летали туда, сюда; коварной мальчикъ — enfant gâté (**) забавлялся! . . .

(*) Изъ музыкантовъ и компаньйона своего, молодаго человѣка, которой также очень хорошо играетъ на скрыпкѣ.

(**) Виргилій прекрасно характеризируетъ его:

Милой, со всѣми шалостями, малютка этотъ любитъ жмурки, и потому, ничего не видя, кидаетъ острыя стрѣлки — игрушки свои — безъ всякаго разбора . .

. . . . . .

Наконецъ — прощаюсь съ Будою, съ Малороссіею, со всѣми удовольствіями, которыя находило здѣсь сердце мое — прощаюсь съ благодарными чувствами, съ живѣйшимъ сожалѣніемъ и говорю

Жестокое дитя, для коего мученье,
Нещастье наше — смѣхъ, забава, утѣшенье!
Пчела живетъ цвѣтами,
Амуръ живетъ слезами.

въ мысляхъ своихъ: „увижу ли я опять васъ? буду ли опять въ любезномъ краю этомъ?“ — Завѣса будущаго не повинуется словамъ моимъ, спокойно закрываетъ сцену свою! . . . Но Москва передо мною; въ ней любезнѣйшіе сердцу моему; объятія ихъ для меня простерты; сладкія минуты ожидаютъ меня — до свиданія, милые!

Я могу сказать вамъ съ Грессетомъ:

Vous me verrez toujours le même:
Mortel ſans foin, ami ſans fard,
Penſant par goût, rimant ſans art,
Et vivant dans un calme extrême
Au gré du temps et du haſard.

XLIII.

НАХОДКА.

Утомленный дорогою (*) и самымъ дурнымъ временемъ глубокой осени, я несказанно обрадовался трактиру въ городѣ О*. Поспѣшно прохожу комнату, другую, и въ той, которая долженствовала быть моею на нѣсколько минутъ, я почувствовалъ подъ ногою у себя свернутую бумажку; взглянулъ на нее и увидѣлъ, что она была исписана, но въ усталости моей мнѣ было

(*) На возвратномъ пути мсемъ въ М*.

не до любопытства. Я спросилъ чаю — выпилъ и ободрился. Бумажка лежала передо мною; любопытство мое ожило; я захотѣлъ узнать, что написано на ней; поднялъ, развернулъ и читалъ слѣдующее:

Знаете ли, что болѣе всего находятъ въ васъ любви достойнаго? ... Не прелесть черныхъ глазъ вашихъ, не розы устъ, не бѣлизну зубъ, груди и шеи, не стройность тальи вашей, не сладость голоса, разговора ....объявить ли тайну, которая безъ сомнѣнія неизвѣстна вамъ? .. Извольте: молчаніе ваше ... такъ, оно всего любезнѣе, всего интереснѣе въ васъ .... Вы удивляе-

тесь? ... Жаль, что не льзя указать вамъ физіономіи вашей въ минуты вашего молчанія въ обществѣ! ... Какія идеи, какой наблюдательной духъ, какія глубокія чувства и какъ ясно въ каждой чертѣ прекраснаго лица вашего изображаются въ это время! ....

Никакая игра глазъ, никакая улыбка, никакое слово не можетъ столько трогать, плѣнять, восхищать меня — конечно и другихъ — сколько трогаетъ, плѣняетъ, восхищаетъ — молчаніе ваше! ... Находите меня страннымъ, но я ввѣкъ останусь при моихъ чувствахъ.

„И я могъ не посмотрѣть эту бумажку!“ повторялъ я

самъ въ себѣ, радуясь любопытству своему. — „Но къ кому, но отъ кого, но какъ она попалась сюда?“ — Трактирщикъ ничего не могъ сказать мнѣ. Но что вы скажете объ ней, друзья мои? . . Что до меня, то — я спряталъ ее въ портфёль мой, какъ дорогую находку. — — Ахъ! какъ бы я желалъ видѣть подлинникъ и живописца его! . . . Щастливый О*! ты заключаешь, можетъ быть, въ себѣ и того и другаго!

Конецъ.

Кр-1696

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:	читай:
Стран. Стр.	
1. 3.	сЪ Реньяр- сЪ Рена-
	домЪ ромЪ
1. 4.	самаго самого
25. 17.	незапная внезапная
125. 5.	вЪ церквѢ вЪ церкви

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
508
.2
S45
1803a

Shalikov, Petr Ivanovich,
kniaz'
Puteshestvie v Malorossiiu